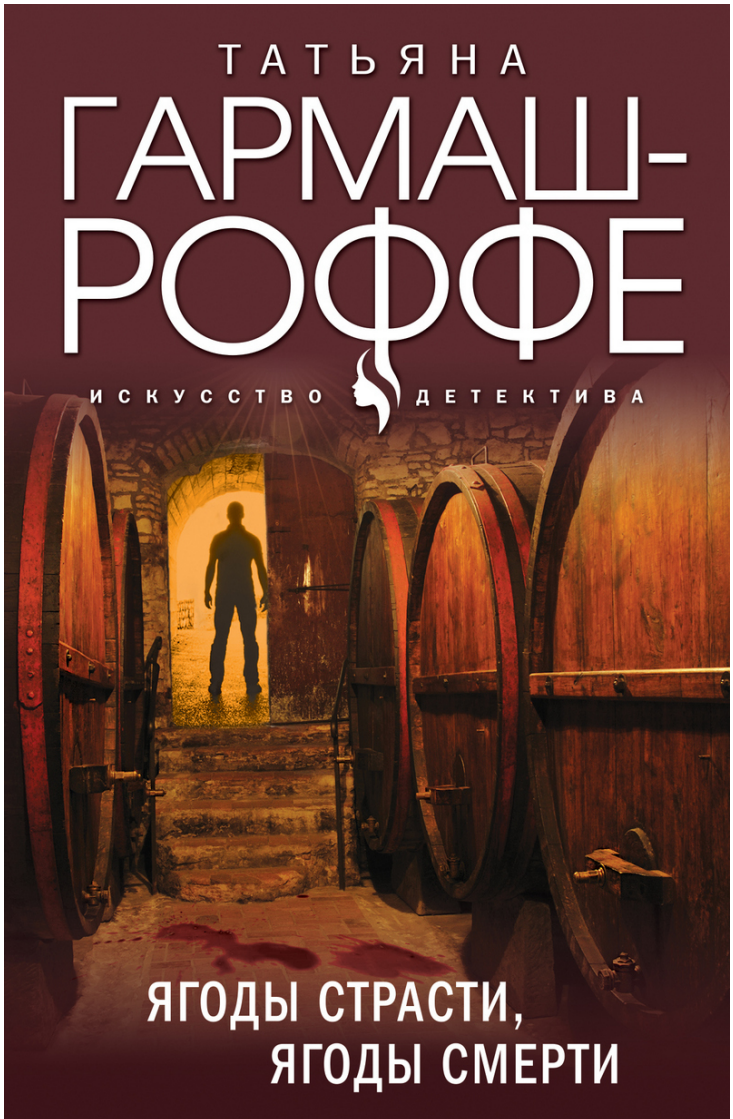

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-
РОФФЕ

ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

ЯГОДЫ СТРАСТИ,
ЯГОДЫ СМЕРТИ

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе

Ягоды страсти, ягоды смерти

Серия «Частный детектив
Алексей Кисанов», книга 17

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319412

Татьяна Гармаш-Роффе. Ягоды страсти, ягоды смерти: Эксмо;

Москва; 2010

ISBN 978-5-699-42217-3

Аннотация

...Он приблизился к бочкам. Здесь ягоды винограда, по его разумению, отдавали душу. Отдавали в сок, которому вскоре суждено стать вином. Превращение солнечных ягод в солнечный напиток по имени вино ему казалось великим чудом и таинством, и сейчас у него впервые появилась возможность присутствовать при чуде и таинстве.

Взяв в руки шест, Коля медленно начал круговорот ягод, внюхиваясь и вглядываясь. Как вдруг ощутил сильный толчок. Он хотел обернуться, увидеть того, кто пихал его в спину... Новый толчок пришелся на затылок и погрузил его лицо в бочку. Коля захлебнулся, попытался выпростать лицо из виноградной жижи и сказать идиоту-шутнику все, что он о нем думает... Но в этот момент его ноги оторвались от пола, голова неумолимо пошла ко дну бочки, и ягоды, – самые прекрасные ягоды, которые только

была способна породить земля, – поглотили его тело целиком. Легкие наполнил виноградный сок – едва забродивший, пряный, смертельный.

Его больше никто не толкал, но Коля об этом уже не узнал. Он умер.

Содержание

Часть 1	6
Сентябрь	6
Май, четыре месяца назад	19
Сентябрь	74
Часть 2	83
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Татьяна Гармаш-Роффе

Ягоды страсти, ягоды смерти

*Я упаду в тебя амброзией священной;
Лишь Вечный Сеятель меня посеять мог,
Чтоб пламень творчества зажегся
вдохновенный*

*И лепестки раскрыл божественный цветок!
Шарль Бодлер. ЦВЕТЫ ЗЛА. СХІІІ. Душа вина*

*Люди похожи на вина: с течением лет хорошие
становятся только лучше, тогда как дурные
портятся окончательно.*

Цицерон

В романе вымышлено все: события, лица, имена и названия. Совпадения с реальностью могут оказаться только случайными.

Часть 1

Сентябрь

– Как это «отказался»?! Значит, ты не сумел его убедить!

– Не надо на меня всех собак вешать! Это вы там прокололись, вы не учли, что он чокнутый!

– Что конкретно он сказал?

– Что собирается на свидание к винограду!

– К кому? К *Виноградову*?

– Да какому «Виноградову»? К *винограду*, растение такое, не слышали? Из него еще вино делают. А он помешан на винах! Влюблен в них, как в бабу! Сказал, что лучше бесплатно будет заниматься своим делом, чем за деньги – чужим!

– Ты ему сумму озвучил?

– Да все я ему озвучил, – раздраженно отмахнулся звонящий, – только он чокнутый! Блаженный какой-то! Попросил ему не мешать, потому что у него начинается регистрация на рейс, вежливо так, даже по матери не послал!

– Значит, ты был неубедителен.

– Я?! Когда это я бывал неубедителен?! Он больной на голову, а дело профукали вы – не разобрались! К такому подъезжать вообще бесполезно, блаженный, говорю!

В трубке зависла тишина.

- Хорошо... – после паузы произнес голос. – Чтобы не звонил никуда, хоть это ты ему втолковал?
- Обижаете. И мобилу выкрал.
- Тогда подключай Деда. Он на месте?
- Как условленно, ждет гостя. И наших распоряжений, само собой.
- Пусть не тянет. Промедление опасно, так что...

* * *

Теплая, шелковистая, налитая, как ляжка младенца, виноградная гроздь легла в ладонь. Николай невесомо провел пальцами по упругим выпуклостям. Квинтэссенция жизни. Лучшее, что может дать земля, заключено в этих темно-красных ягодах, которые скоро превратятся в вино, чтобы донести соки земли до людей...

Он покачал гроздь на ладони, то ли баюкая, то ли прикидывая вес, затем осторожно отпустил ее. Пора возвращаться в Шато.

Коля успел изрядно обгореть за это утро, в которое облазил чуть ли не весь многогектарный виноградник, трогая и обнюхивая тугие темно-красные плоды, любуясь их жизненной силой. Надо было, конечно, взять мягкую фетровую шляпу с большими полями, предложенную хозяйкой Шато де Сан-Клеман, – у нее такие имеются для всех рабочих, – а он, по самонадеянности, отказался. Ни на одном курорте

не носил он ни шляп, ни кепок, ни панам – и никогда не обгорал. Но тут, на склонах древних холмов, солнце, видимо, особенное: оно жарило с удвоенной силой, насыщая виноград своей энергией, а заодно и всех самонадеянных людей, не надевших шляпу.

Вернувшись на обширный двор Шато де Сан-Клеман, Коля некоторое время колебался. Искушение продолжить исследование винодельческого процесса было велико – у него тут всего четыре дня на все про все; но и обгоревшая кожа требовала внимания. Нужно бы на нее какой-нибудь крем или мазь наложить, не то пойдет пузырями к вечеру... До обеда оставалось еще полчаса, – Марилен, хозяйка, предупредила его, что стол накрывается к полудню, а он, «дорогой гость», прибывший накануне, на исходе дня, к этому столу приглашен. Рабочие, в основном сезонные, ели во дворе, за деревянными столами в теньке, тогда как «своим» еду подавали в прохладной сумрачной столовой большого трехэтажного дома из шероховатого песчаника – то есть, в самом «Шато»¹. В столовой стояли такие же древние дубовые столы со скамейками, что и во дворе, да и еда почти одинаковая – «своим» прибавлялись к обеду вино и сыр, тогда как работягам эта роскошь перепадала лишь на ужин. Коля, однако, изначально включен в список «своих». Не потому, разуме-

¹ Шато (Chateau) – означает «замок». Но в традиции виноделия принято так называть любой дом, принадлежащий хозяевам виноградных угодий, даже если сама постройка больше напоминает сарай.

ется, что он им был, а потому, что его пребывание в Шато де Сан-Клеман щедро оплатил господин Бурлов, пославший своего персонального сомелье во Францию, в самое сердце винодельческих земель в округе Бордо, на закупку лучших вин для своих подвалов. Так что «дорогой гость» был в самом прямом смысле дорогим, а уж с учетом предстоящих закупок так и вовсе драгоценным.

Искушение взяло верх, и Коля направился к открытым дверям ангара, где ягоды претерпевали первоначальные изменения. Хозяйка, Марилен, называла этот ангар «ясли», что казалось вполне логичным в свете термина, который во Франции применяют к процессу изготовления вина: «воспитание», «выращивание». А раз вино *растят* и *воспитывают*, то, естественно, на первом этапе возникают «ясли»!

* * *

Коля вошел в широко распахнутую двустворчатую дверь, если не сказать ворота. И то, сюда ведь заезжают тракторы, везущие прицепы с ящиками виноградных гроздьев – их собирают наемные работники, сезонные. Дело нехитрое, обучение занимает десять минут: руками ягоды не трогать, срезать кисти секатором и бережно укладывать их в ящики. Помимо нескольких французских студентов, здесь подвизались сезонные работяги из Польши и других стран Восточной Европы, даже один русский есть, как сказала хозяйка. Мало кто

из них говорит по-французски, и инструктаж проводится на языке жестов.

Привезенные с полей кисти разделяют более квалифицированные рабочие: французские крестьяне или опытные сезонные, которые тут уже не в первый раз. Они отделяют ягоды от веточек и сбрасывают их в широкие деревянные бочки, где их для начала процесса долго перемешивают деревянными же шестами. Раньше ягоды давили женщины босыми ногами, но эта средневековая манера практически ушла в прошлое: общенациональные требования санитарии и гигиены берут свое.

Коля приблизился к бочкам. Здесь ягоды винограда, по его разумению, отдавали душу. Отдавали в сок, которому вскоре суждено стать вином и влиться в организмы человека по всему земному шару. Превращение солнечных ягод в солнечный напиток по имени вино ему казалось великим чудом и таинством, и сейчас у него впервые появилась возможность поприисутствовать при чуде и таинстве.

Он подошел к одной из бочек, над которой колдовал какой-то парень, черноволосый и загорелый до черноты, не поймешь, местный или наемный. Некоторое время Коля заворуженно смотрел на крутящиеся под шестом ягоды, затем жестами попросил доверить эту работу ему.

Учитывая, что в этот момент прозвучал гонг, зовущий на обед, парень охотно уступил ступеньку у бочки, а сам направился во двор, где стояли уже накрытые столы.

Приладившись к шесту, Коля медленно начал круговорот ягод, внюхиваясь и вглядываясь. Ему казалось, что с каждым оборотом деревянного шеста ягоды винограда меняли цвет и запах – они высвобождали сок, который интенсивно отправлял аромат в пространство, и Коле было его жалко. Помешивая ягоды, он раздумывал над тем, как бы так сделать, чтобы поймать этот аромат, не дать ему уйти в воздух, заковать его на первом же, «ясельном» этапе в бочки и бутылки... Заковать, пленить, ничего не отдать воздуху, но все сохранить для той бутылки, которую вскроет знаток и, потянув ноздрями, скажет: «О, да!!!»

– Nicola! Nicola-a! A table! – услышал он. Марилен звала его к столу.

– Je viens! – ответил он. Интенсивного курса французского перед отправкой на родину вин хватало для не слишком сложной беседы.

Уходить не хотелось. Он не чувствовал голода, хотя поесть, конечно, не мешало бы: до ужина еще далеко. Но здесь, в опустевшем ангаре, он наконец начал приходить в себя после пережитого вчера в аэропорту шока...

Сейчас, после трехчасовой прогулки по солнечному винограднику, у бочки с запенившимися ягодами, Николаю казалось, что странный разговор в аэропорту ему померещился. Никак не могла его жизнь, такая ясная, такая спокойная, в которой ему была введома до сих пор одна невинная винная страсть, – никак не могла она пересечься с киношными стра-

стями, интригами и заговорами, с коварством и убийствами!

«Кто-то меня проверяет, – подумал он. – Может, даже сам Борис Аркадьевич? Хочет убедиться в моей лояльности?.. Или его служба безопасности? Наверняка! Сам хозяин такими делами заниматься не станет, не его это уровень! Даже если на него уже дважды покушались... И, кстати, один раз его собственный шофер! Ну, точно, это его служба безопасности! Проверяет нового человека!»

При приеме на работу Колю и так прошерстили с головы до ног, всю родню изучили, всю его кратенькую биографию отследили. Оно понятно: Борис Аркадьевич – близкий к Президенту человек, безопасность обязана бдеть. Но им мало, видать, показалось – решили его проверить еще таким путем...

Как пить дать они! Стали бы бандиты вести подобный разговор в аэропорту, когда он летит во Францию? В самом деле, подходит в аэропорту человек и предлагает большие деньги за то, чтобы он, Николай, «помог» хозяину свернуть шею – что это, как не фарс?! Ведь он мог, если бы поверил, немедленно позвонить Борису Аркадьевичу!

А этот тип лишь сказал: «Не вздумай звонить, если тебе жизнь дорога!» И отпустил во Францию!

Сто пудов, это служба Бориса Аркадьевича! Проверка! Но только... тогда получается, что они, велев ему не звонить под страхом смерти, сами затаились, ждут: позвонит он или нет?! Выполнит ли свой, как это называется, долг лояльности по

отношению к Борису Аркадьевичу?! О, черт, если б он сразу сообразил!..

Попросить у хозяйки разрешения воспользоваться ее телефоном? Просить неловко, все-таки международный звонок, – но мобильный его куда-то запропастился. Выронил или украли, теперь не разберешь. А позвонить надо немедленно!

«*Месье Николя-а-а!*» – звенело во дворе.

Он с сожалением посмотрел на бочку с темно-красными ягодами, начавшими отдавать свой сок, свою кровь будущему вину. Вытащил шест и положил его поперек бочки: где-то должно быть место для него, специальное гнездо, куда его надо поставить... И вдруг почувствовал сильный толчок в спину.

Толчок был рукотворным, Коля явственно ощутил приложившуюся к его спине пятерню.

– Ты чего, мудака, что ли?! – заорал Коля по-русски, едва не клюнув в бочку носом.

Ему никто не ответил, но толчок повторился.

– Ты чего, спятил?!

«*Месье Николя-а-а!*»

Он хотел обернуться, увидеть того, кто пихал его в спину, в шею... Новый толчок пришелся на затылок и погрузил его лицо в бочку. Коля захлебнулся, попытался выпростать лицо из жижи, прокашляться, сказать идиоту-шутнику все, что он о нем думает... Только в этот момент его ноги оторвались от

пола, голова неумолимо пошла ко дну бочки, и ягоды – самые прекрасные ягоды, которые только была способна породить земля, – поглотили его тело целиком. Легкие наполнил виноградный сок, едва забродивший, пряный, смертельный.

Его больше никто не толкал, но Коля об этом уже не узнал. Он умер.

* * *

– ...И победителем нашего конкурса стал... – ведущий выдержал торжественную паузу, – Владимир Мирончук!!!

Зал захлопал. Влад сдержанно поклонился, ища глазами в публике Дашу. Мелькнуло лицо Евы – ее яркий рот празднично улыбался, она чуть приподнялась навстречу его взгляду, энергично аплодируя. Вежливо кивнув ей, Влад продолжал рассматривать публику. Наконец увидел Дашу. В знак победы она держала перед собой два крепко сжатых кулачка.

Было чему радоваться, в самом деле было! Еще вчера он почти не верил, что его во второй раз выберут лучшим сомелье года! На конкурсах всегда кто-нибудь из организаторов старается «порадеть родному человечку», а «родные» есть практически у каждого...

А вот же, снова выбрали!

С другой стороны, подтасовать было бы трудно – это вам не конкурс исполнителей песни, где отсутствие голоса можно возместить еле прикрытой попкой. Нет, в его профессии

работают нюх, глаз, вкус, а их не подделаешь! Определить по цвету и запаху не только происхождение и название вина, но и год урожая не каждый сумеет. Нужен, во-первых, талант, а во-вторых, опыт. И у Влада они есть!

Покидая сцену, он сделал незаметный знак Даше, чтобы прошла за кулисы. Куда поехать отпраздновать победу? В ресторан? Или пригласить ее к себе? Но согласится ли она?

– Можно вас на минуточку, молодой человек?

Влад оглянулся. Возле него стоял мужчина средних лет – прекрасно сшитый костюм, благородная седина, неулыбчивая любезность.

– Слушаю вас.

– У меня к вам интересное предложение. Где тут можно поговорить без посторонних?

– Это надолго? Меня ждут.

– Не беспокойтесь, пять минут, не больше.

Влад указал рукой на правое ответвление коридора, ведущее к выходу. Других мест он просто не знал: для конкурса сомелье арендовали известный концертный зал, где Влад совершенно не ориентировался.

В этом коридоре было пустынно. Участники мероприятия еще не потянулись к выходу, и лишь в конце коридора маячила одинокая будочка охранника.

– Не буду терять ваше драгоценное время, Володя... – почтительно произнес мужчина.

– Влад, с вашего позволения. Или Владимир, на выбор.

Он отчего-то страшно не любил уменьшительное «Володя», особенно это жесткое, как ледоруб, «дя» в конце.

– ...Владимир, без проблем... Я сразу к делу: как бы вы отнеслись к смене места работы? С лучшими условиями, разумеется.

– Смотря что за работа.

– Разумный ответ, – кивнул мужчина. – Поясняю: один очень высокопоставленный человек ищет персонального сомелье. Работа примерно такая же, как в вашем ресторане: формирование винного погреба, обслуживание приемов, где вы сможете блеснуть грамотными рекомендациями и экскурсами в историю и характеристики вин. Зарплата, полагаю, будет раза в три больше, чем ваша теперешняя.

– *Полагаете?*

– Да, – кивнул его собеседник. – Видите ли, я не нанимаю вас. Я только хочу узнать, заинтересуетесь ли вы подобным предложением. Если скажете «да», то я вас этому человеку порекомендую.

– Не понял... А вам зачем?

– Правомерный вопрос, – мужчина снова одобрительно кивнул. – Это мой друг, и он ищет себе нового сомелье. И я, прежде чем ему...

– «Нового»? Значит, был «старый»?

– Верно, был. От вас ничего не скроешь, молодой человек, – улыбнулся мужчина.

– Его уволили? Я бы хотел знать, за что. Если ваш друг

сумасброд...

– Нет-нет, его прежнего сомелье не уволили! С ним произошёл несчастный случай, увы... Так вот, прежде чем я своему другу скажу о вас, я хотел бы убедиться, что подобное предложение может вас заинтересовать. Иначе я рискую попасть впросак: порекомендую вас, а вы вдруг возьмете да не захотите покидать ваше нынешнее место работы...

– Понятно, – перебил его Влад, глянув на часы. – Если я могу заниматься любимым делом и за большие деньги, то вряд ли откажусь. Хотя нужно узнать подробнее. Пусть он свяжется со мной.

– Отлично! – улыбнулся незнакомец. – В таком случае ждите вскоре звонка!

Влад торопливо распрощался с незнакомцем, мельком подумав, что тот ему не представился... Но он боялся упустить Дашу: вдруг, не найдя его, она уйдет? Он устремился к той двери, что вела из зрительного зала за кулисы...

Ева! Ну, кто бы сомневался! За ней сбились в кучку несколько коллег и знакомых, пришедших его поздравить, но Ева стояла у двери, как баррикада, сладко растянув в улыбке красный рот. Дашу и не было видно. Неужели ушла?

– Влад! Мои поздравления, милый!

– Спасибо, Ева.

Натянута улыбнувшись, Влад, едва не отодвинув ее плечом, пожал еще несколько рук, поцеловал несколько щек и раскрыл дверь в зал. Даша обнаружилась в первом ряду опу-

стевшего зала – скромно сидела в красном бархатном кресле, положив по-детски руки на коленки.

– Пойдем, – сказал Влад.

Обхватив Дашу за плечи, провел ее мимо Евы – он не обернулся, но знал, что лицо ее исказилось, – к служебному выходу.

– Отметим? – предложил он уже на улице.

– Конечно!

– Поедем ко мне... – он посмотрел на Дашу.

Четыре месяца как они встречаются, но ни разу еще не оказывались наедине.

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА. Это большой срок, а?

Даша молчала, решая.

Или **ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА** – маленький срок?..

Много это или мало – **ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА?!**

Май, четыре месяца назад

Банкетный зал быстро заполнился едким сигаретным дымом. «Когда наконец запретят курение в общественных местах! – раздраженно подумал Влад. – Еще несколько таких мероприятий, и я потеряю нюх!»

Нюх его был особенным – еще в детстве стало ясно, что он обладает удивительно тонким обонянием. Влад умел улавливать запахи и их оттенки, недоступные большинству людей. И когда он, вернувшись из армии, задумался о выборе профессии, друг родителей посоветовал: «С таким носом, как твой, нужно идти в парфюмерию, духи создавать!»

Влад не хотел создавать духи. Он духи на дух не переносил, их слишком резкие, неделикатные запахи возмущали, раздражали, оскорбляли его обоняние. «А еще куда-нибудь можно пойти, кроме парфюмерии?» – спросил он. Родительский друг подумал. «Кажется, в делах, связанных с вином, – с хорошим вином, про которое говорят, что у него «букет», – там, кажется, тоже нужен нюх. Но я точно не знаю, что это за профессия...»

Влад сел за компьютер и вскоре добрался до загадочного слова «сомелье». И сразу понял, что эта профессия создана для него: вино пахнет тонко, невесомо – ничего общего с парфюмерией, которая способна пригвоздить к полу убойной интенсивностью запаха!

В то время такой профессии нигде не учили, но он нашел: культурный центр при французском посольстве открыл курсы сомелье. Он записался, проучился, получил диплом с отличием и, как лучший выпускник, удостоился поездки во Францию, на виноградники. Там, прожив две недели в пейзажах Ван Гога, напившись до последней клеточки красотой этой земли, величием и поэзией древнего винодельческого труда, он окончательно убедился, что сделал правильный выбор.

* * *

...Профессия оказалась менее романтичной, чем он предполагал. Он легко попал в один из лучших ресторанов Москвы: тогда этих самых сомелье на всю Москву было человек пять, их с руками отрывали. В ресторане Влад отвечал за подбор вин – он их сам закупал, формируя погреб и карту вин ресторана, он же помогал клиентам выбрать наиболее подходящее вино к тому или иному блюду... Скучно, господа, скучно! Клиенты ничего в винах не понимали – они понимали в стоимости бутылок. Сколько бы Влад ни рассказывал им о букете, они его, за редким исключением, не чувствовали. Соответственно, оценить не могли, что было обидно для его творческого самолюбия. Ведь он способен с закрытыми глазами определить, что за вино и урожая какого года; он мог рассказать о виноградниках и особенностях земли, которая

их вскормила; он мог рассказать о том, как влияет древесина бочки на вкус вина и чем отличается вино трехлетней выдержки от вина пятилетней... Но никого это по-настоящему не занимало. Ценители попадались редко и картины не меняли. Выходило, что его талант и знания не востребованы, не имеют спроса, а его презентации всего лишь вставные театрализованные представления, завитушка к декору модного ужина...

Это не могло не удручать. Не так, совсем не так он представлял себе профессию сомелье, обладающего уникальным «носом»! Было отчего впасть в депрессию...

Но Влад старался ей не поддаваться. Его поддерживала мечта: накопить денег и открыть собственный винный бар, дегустационный. В него станут стекаться истинные почитатели вина, жаждущие узнать о нем побольше, и Влад будет рассказывать им *о виноградниках и особенностях земли, которая их вскормила*. Он научит своих гостей различать яркие нюансы и нежные оттенки, и они будут уходить из его бара обогащенные знанием, как прекрасной тайной. Он посвятит их в рыцари вина и солнца, приобщит их к ордену истинных ценителей, познавших *in vino veritas!*

* * *

...Влад закончил презентацию вин. Говорил он, как всегда, с воодушевлением, хотя несколько дежурным: знал, что

собравшимся до фени все его слова о «букете». Они будут пробовать и нахваливать с умным видом – для того и существуют презентации, – но, подсунь он им простое столовое вино, они бы не заметили!

Юля, пиарщица фирмы-спонсора, предоставившей свой товар для этой презентации, сделала ему знак, что он свободен: она хорошо знала, как дорожит Влад своим обонянием и как претит ему едкий дым. Теперь у него есть минут пятнадцать, чтобы отдышаться. Дальше, когда народ приступит к еде, придется вернуться в ядовитую атмосферу зала: наливать, показывать этикетки дорогих вин, рассказывать родословную данной бутылки и прочие никому не нужные, но модные вещи.

Как-то он читал в газете сетования актеров: ходить в театр нынче стало модным, и ежевечерне собираются полные зрительные залы, да только артистам это не в радость. Публика не ценит их мастерство: не умеет, не разбирается. Нет у нее ни навыков, ни знаний, чтобы отличить хорошую игру от плохой.

Вот так примерно ощущал себя Влад. Он не претендовал на сравнение своей профессии с актерской, ни вообще с искусством, но...

* * *

В детстве он был увальнем – медлительным, задумчивым

пареньком. Девчонки на него с ранних классов заглядывались: он уже тогда был весьма хорош собой, с его русыми волнистыми волосами и большими светло-кариими глазами, словно очерченными тонкой кистью, – но он их будто не замечал. Учеба шла тоже так, как девчонки: шла себе, но он ее вроде и не замечал. Учился на четверки, учителя талдычили, что он мог бы на пятерки, стоило только ему сосредоточиться... Беда его была, по общему мнению, в том, что он слишком мечтательный.

Мечтательный. Выходило, он о чем-то мечтает? Но это совсем не так! Мечты – вещь конкретная, и у каждого человека они свои. Его одноклассники мечтали, да, по большей части о деньгах, славе и девочках. Красивых девочках, которых у них непременно будет множество. А Влад ни о чем таком не мечтал. Он просто жил. И наслаждался жизнью.

Мама как-то сказала: «Воленька (так она его называла), я понимаю, ты живешь в своем мире, и я это уважаю...»

Мама у него была чудесная, умная, интеллигентная женщина. И Влад привык с уважением относиться к ее высказываниям. Но тогда он ее слов не понял: что значит в СВОЕМ мире? Разве облако, похожее на жирафа, плывет только для него? Разве косматое дерево, на ветру похожее на пуму, выпустившую когти, видно лишь ему? Разве прозрачная лошадка только для него бежит по мокрой после дождя дороге на полотне Ван Гога²? Разве исключительно для него Моцарт

² «Пейзаж в Овере после дождя», В. Ван Гог.

сотворил гармонию звуков, разве ему одному земля дарит сокровищницу своих ароматов?

Такого не может быть, и, значит, никакого «своего» мира у него нет. Этот мир для всех!

Мамины слова он понял куда позже. Намного позже, в армии, где не было места пумам и жирафам, Моцарту и Ван Гогу. Тогда он понял, что мир – он, конечно, для всех... только не все его обживают одинаково. Что есть очень много людей, которые существуют лишь на маленьком пятачке, на кусочке земли с кусочком фасада дома и веткой дерева рядом с фрагментом крыльца... С обрывком песенки, с небрежно-глянцевой репродукцией картины, с кричащими расцветками повседневности и ее оглушающими запахами... Ему тогда представилось, что мир – это огромный гипермаркет, в который каждый приходит со своей тележкой. У одних тележка поменьше, у других побольше, но все равно пространство тележки бесконечно мало по сравнению с гипермаркетом. Поэтому люди могут выбрать только ограниченное число вещей. Вот каждый и выбирает: кто звезды на небе, кто звезд эстрады...

Ему многие говорили, что у него способности и что их надо развивать. Способностей оказалось подозрительно много: рисовал он хорошо, слух у него был отменный, в математике он преуспевал, в литературе был одним из лучших... **СЛИШКОМ** много способностей. И ни одного таланта!

Так он думал, пока родительский друг не сказал ему про

ных и про вино. Тогда Влада будто что-то толкнуло внутри: вот его талант!

Овладевая профессией сомелье, он понял, что она вбирает в себя все, что он любит: и облака, и деревья, и музыку, и картины... всё! Он только лишь перевел все это на другой язык, не потеряв смысла...

* * *

Влад пересек холл, дружески подмигнув гардеробщику, пожилому дядечке с заливчатскими усами и манерами аристократа, и уже собрался открыть дверь на улицу, как услышал слова, произнесенные нежным девичьим голоском:

– ...кислятина жуткая! Причем этот Чайльд Гарольд угрюмо-томный подает бокал на пробу с таким видом, словно тут собрались клинические идиоты и он сделал большое одолжение, что согласился иметь с ними дело!

Влад притормозил. Он не знал, кто такой «чайльдгарольд» (хотя что-то знакомое...), но понял, что метила девица в него. Больше не в кого!

Обернувшись, он увидел какую-то писюху лет шестнадцати, которая говорила по сотовому. Писюха стояла к нему в полупрофиль. Отдув волнистую русую прядь, упавшую ей на щеку, она продолжала:

– Кислятина и есть, только кто же признается? Все делают вид, что это шикарно, такой люкс-VIP пить эту гадость! У

них от цены за бутылку оргазм происходит, а у меня, к слову, понос... Нет, мам, не от цены, а от кислятины! Не волнуйся, в прошлый раз тоже так было, на меня вино действует как слабительное... Да не волнуйся, мам! Все нормально, просто там жутко зал прокурили, мне захотелось выйти, вот я тебе и позвонила... О-о-о, ну ты будешь меня доставать теперь с пищеварением, а? Я ж тебе объяснила: это кислятина, и мой организм...

Она не закончила: Влад, взбешенный услышанным, крепко прихватил ее под локоток.

– А ну пошли!

– Куда?! – обалдела девица.

– В винах разбираться! Чтоб ты раз и навсегда забыла слово «кислятина»! Чтоб ты поняла, что сухое вино – это настоящее вино! А не подслащенный забродивший компот, который ты наверняка обожаешь!

– Мам, я отключусь, ты не волнуйся, тут Чайльд Гарольд притащился и хочет дать мне приватный урок кисловедения! Ага, целую, пока! – Девица отключилась со смехом и на Влада посмотрела с вызовом сквозь очки в розовой оправе.

– Ладно, пошли! О-очень интересно, как это вы собираетесь убедить меня в обратном!

– Сюда, – коротко рявкнул он и открыл перед ней служебную дверь.

...Она послушно пригубливала из разных бокалов и честно старалась вчувствоваться в «букет».

– Видишь, – говорил ей Влад, – одно вино отдает немного лесным орехом – лещиной и диким райским яблочком, мелким, ярким и горьковатым, знаешь такие? А другое – летним садом, грушей и персиком, и еще чуть-чуть скошенной травой, видишь?

– Может, мне очки нужно сменить? Я ничего не *вижу*, – вредно ухмылялась девица.

– Уходи, если тебе неинтересно! Я тебя не держу!

– Не... – Она поправила пальцем очки. – Давай еще раз.

Он наливал снова по глоточку в два бокала: сравнение он ограничил всего двумя винами – молодым божоле, простеньким и пестро-ярким, как майский луг, и строгим благородным бордо, – винами настолько разными, что он изумлялся, как можно не уловить меж ними разницу. Девица снова пригубливала из каждого бокала, склоняя голову чуть набок от усердия.

– Но почему оно должно быть кислым, я не понимаю!

– Почему лимон кислый? Или киви?

– Ну... то лимон...

– А то вино! Его вкус должен быть натуральным, неподслащенным, – вот когда весь сахар превратится в винный ал-

коголь, только тогда высвободится его естество.

– «Букет»?

– Он самый. Душа вина. Ты вот, к примеру, хочешь, чтобы ценили красоту твоих глаз, а не макияж на них?

– У меня нет макияжа!

– Ну, тушь на ресницах у тебя ведь есть?

– Тушь? – Девушка полезла пальчиками под очки и потрогала ресницы, словно не знала, красила ли их поутру. – Нету туши, – доложила она.

– Ладно, – несколько сухо произнес Влад, чувствуя, что девица дурака валяет, из-за чего разговор поворачивается куда-то не туда. – А душа у тебя есть?

– Душа... Есть, я точно знаю! Мама говорит, что она у меня большая и красивая. Но я сама никогда ее не видела и подозреваю, что мама преувеличивает...

– Ну вот, – перебил ее Влад, – ты хочешь чтобы твою душу ценили? А не твою телесную оболочку?

– Ну...

– Не «ну». Хочешь! И вино...

– Телесную тоже, – перебила его девица.

– Что? – не понял он.

– Телесную чтобы ценили тоже. Оболочку.

Сбитый с толку, он растерялся. Под розовыми очочками смеялись ее глаза.

Влад рассердился. Эта малолетка его нарочно сбивала!

– Тем лучше! – нашелся он. – У вина тоже есть телесная

оболочка: его вкус, цвет, вязкость, терпкость... А душа – это аромат. И вино тоже хочет, чтобы его ценили за телесное и за внутреннее! Прямо как ты. – Он позволил себе снисходительно улыбнуться.

– Оно само тебе сказала?

– Что?

– Чего оно хочет, вино! – пояснила девица.

– Ладно, понятно. Иди. Извини, что я на тебя так напал...

Просто достали эти все... Неважно. Иди!

– Да ладно тебе, – ее мордашка вдруг сделалась серьезной, – я же просто прикалываюсь, это у меня характер такой... – Она поискала слово. – Шутить люблю... Но я, честно, действительно хотела бы понять, в чем секрет вина... Давай дальше!

...Он рассказывал ей о солнце, которое насыщает виноград своей энергией, о землях, которые питают не только сам виноград, но и тот уникальный вид незаметной глазу плесени, которая затем делает и вино уникальным. Он живописал бочки, отдающие свой терпкий дубовый дух виноградному соку; он говорил о том, что вино надо «воспитывать», с любовью и строгостью, как ребенка...

* * *

Казалось, что всего-то минут десять прошло, когда к ним ворвалась пиарщица Юля, нервно закричала, что она везде

Влада ищет, что уже полчаса, как его нет, что давно пора подавать и советовать вина...

– Дашка, ты что его держишь?! – бушевала Юля. – Ты за-
чем его умыкнула?!

Даша. Оказывается, ее зовут Дашей, а он даже не спросил...

– Я его... умыкнула, ага... – загадочно улыбнулась Даша. –
У него, оказывается, нос особенный, ты знаешь? Настоящий
Пиф!

– Какой еще «пиф»? – не поняла Юля.

– Ну вспомни, мы же с тобой учили в школе французский!

– Как собачка Пиф? – обалдела Юля, сообразив.

«Кажется, меня псиной обозвали...» – подумал Влад.

– И как особый нос, нюх, чутье, ты забыла, что ли?

Юля посмотрела на подругу ошалевшими глазами и, схватив Владу за руку, молча потащила в зал, где его ждали клиенты с пустыми бокалами.

* * *

В зале Ева, менеджер ресторана по банкетным мероприятиям, вскинула на него требовательный взгляд – Влад сделал вид, что не заметил. С какой стати она постоянно контролирует его? Он ей ничего не должен! И она это прекрасно знает! Знает, потому что он ей прямо сказал наутро! После той ночи! Когда она его буквально...

Ева пришла к ним в ресторан полгода назад. Она была двоюродной, что ли, сестрой жены какого-то олигарха... или как-то так. Влад никогда не вникал, почему эта яркая женщина лет тридцати шести с внешностью куртизанки пошла работать к ним в ресторан, а сплетни он не слушал, не любил. Она сразу положила свой зеленый (слишком зеленый, Влад подозревал линзы) глаз на него. Да ладно бы просто положила – Владу не привыкать с его внешностью, девушки постоянно баловали его вниманием, нередко весьма настойчивым. Но Ева превзошла всех. Она принялась его назойливо опекавать, с высоты своего возраста и положения светской львицы при деньгах. Она пустилась давать ему советы по поводу имиджа и делать ему подарки – то дорогой одеколон, то галстук, то часы... Попытки Влада уклониться от презентов не увенчались успехом: она их буквально всучивала. Тогда он решил оставлять их на своем столе в комнате для персонала, чтобы Ева знала, что он не пользуется ими. Это все, что он сумел придумать в качестве оборонных мероприятий.

Увы, номер не прошел. Отсутствие всякого энтузиазма с его стороны Ева уверенно отнесла за счет юношеской застенчивости, что только распалило ее пыл. Откуда у нее такой исключительный пыл взялся, Влад не представлял. Он знал, что хорош собой, но выдающимся красавцем его никак нельзя назвать. Хотя, по словам Евы, если бы он послушался ее советов и изменил прическу – свою кудрявую растрепку – на строгую и стильную стрижку, то всю мужскую часть Гол-

ливуда можно смело отправлять на досрочную пенсию. Но у Евы свои бзики, слушать ее он не собирался... Богатым Влад тоже не являлся: хорошая по нынешним временам зарплата, не более. Перспектив однажды стать олигархом у него не наблюдалось, публичной личностью тоже – ни деньги, ни высший свет он не мог никому предложить. И не хотел, и не предлагал. Посему интерес к своей вполне скромной персоне со стороны Евы являлся для него загадкой. Оставалось только предположить, что ей то ли молодой любовник занудобился, то ли очередная победа ее ненасытного женского тщеславия.

Владу не хотелось оказаться ни в первой, ни во второй роли. Отчего внимания Евы он всеми силами избегал. Но вот – черт дернул! – на одной вечеринке, с месяц назад...

С месяц назад он угодил в ловушку.

Ева прекрасно знала о его исключительной любви к благородному вину и в тот вечер, после банкета, затеяла с ним разговор. Она вдруг сделалась строгой – менеджер, начальница! – и принялась выговаривать, что он недостаточно заботится о крепких напитках, равно как о клиентах, их потребляющих. Ловко задев его профессиональное самолюбие, она заявила, что Влад ничего не смыслит в виски и джине, не говоря уж о водке, тогда как хороший сомелье просто обязан... та-та-та.

И он попался. Он пустился возражать.

И тогда Ева потребовала от него доказательств. Она зате-

яла контрольную дегустацию – увела его на опустевшую после закрытия ресторана кухню, где принялась подавать ему стаканчики с разным содержимым, веля назвать марку, сорт и год...

После «контрольной дегустации» Влад проснулся в квартире Евы. И, что хуже, в постели Евы.

Он не помнил, что было ночью, но утром Ева вела себя так, словно теперь они любовники, со всеми вытекающими последствиями в виде сладких поцелуев и назначением очередного свидания.

Собрав опухшие после выпитого мозга в кучу, Влад ей тогда же заявил: «Ева, прости, я по пьяни... Не сердись, я не хотел!»

В эту фразу он вложил главный смысл: что *не хотел!*

Но фраза не достигла назначенной цели. Ева просто проигнорировала ее и продолжала себя вести так, будто их близкие отношения отныне сложились и оформились.

Еще пару дней он мямлил, уклоняясь от свиданий с ней под разными предлогами; на третий снова повторил, что *не хотел*. Ева вновь сделала вид, что не поняла намек, что он ее ничуть не обидел, *напротив*...

– Ева, – отважился он, окончательно понимая, что угодил в ловушку и нужно из нее выбираться срочно, – Ева, прости, я имел в виду, что...

Она приложила палец к его губам.

– Владик, милый, ну зачем ты... Нам ведь так было хо-

рошо! Перестань комплексовать, ты мне доставил море удовольствия! Все в порядке, ты меня ничем не обидел, милый...

«Милый».

Сказать еще раз женщине – еще более в лоб, – что он ее не любит, не желает?

Влад не смог. Не смог, хотя и чувствовал, что она ведет с ним игру. Ее *непонимание* было нарочитым, искусственным, с его помощью она просто не позволяла Владу захлопнуть перед своим носом дверь!

...Ева сделала еще несколько попыток затащить его к себе домой, в свою роскошную квартиру-будуар, но он под разными предложениями уворачивался. Однако Ева ни разу не доводила дело до конца, до той точки, в которой ему пришлось бы сказать ей, что он ее не любит и не желает. Напротив, она каждый раз делала понимающий вид и откладывала их встречу на потом, *когда он будет не столь занят*. Таким образом она продлевала видимость их отношений, искусно избегая опасных поворотов, способных повлечь за собой его нелицеприятную откровенность...

Влада это невероятно тяготило. Эта рыжеволосая (если не сказать *красноволосая*) женщина, любившая яркие платья с большими вырезами, не нравилась ему, он не желал состоять с ней в связи, однако выходило каким-то образом, что состоял! Впрочем, это для посторонних. Ева-то знала, чувствовала, что никаких отношений у них нет! Влад не сомне-

вался в этом: он видел в ее взгляде тоску неудовлетворенности... Но при этом она упорно создавала видимость их отношений... – в угоду своему тщеславию?

Нужно было это как-то поломать, расставить акценты...

Нужно! Но как?

Он не привык сражаться с женщинами...

* * *

Игнорируя испытующий взгляд Евы, он пробрался на свое место и пустился в очередной экскурс о винах, крутя по очереди бутылки в руках, показывая этикетки и объясняя их значение. Когда же банкет наконец закончился, он торопливо выскользнул из зала, как делал последнее время из-за Евы, опасаясь новых ее инициатив.

...Даша поджидала его в холле. Чтобы дослушать лекцию о винах, объяснила она.

Влад немного растерялся.

– Юля сказала, что тебя выбрали сомелье года! У меня есть редкий шанс узнать все о вине из первых, так сказать, рук!

– Юля... А ты-то как на банкете оказалась?

– Она меня зовет иногда на банкеты, когда людей недобор, – засмеялась Даша. – И ей польза, и мне интересно поглазеть на народ, где я еще такое увижу? И потом, на банкетах вкусно кормят, – простодушно пояснила она.

В огромных зеркалах холла они отразились на мгновение рядом: он, двадцатидевятилетний мужчина, и эта малолетка рядом. Зачем, вообще-то, школьнице разбираться в винах? Ей рано!

Хотя секундочку... Если она училась с Юлей в одном классе, что следовало из короткого диалога подруг, то ей должно быть... двадцать четыре – двадцать пять! О, спасибо, что не шестнадцать! Но выглядит она и впрямь старшеклассницей, максимум первокурсницей. Небольшого роста, в бледно-розовой рубашечке и легкой серой юбке со складками, в туфельках-балетках. Волнистые русые волосы разделены косым пробором, с одной стороны розовая заколка, как у пацанки... И эти очочки в розовой оправе, которые она время от времени поправляла тонким пальчиком без маникюра... Забавная.

Они с Дашей вышли на улицу вместе. Май медленно вызревал из апреля, полосую прохладный воздух нежными струями тепла, настоящего на оживающих почках и травах. Влад вдохнул полной грудью, раздувая ноздри.

Весна, конечно, пробуждает в людях любовные чувства, движение соков, как в деревьях и травах, и это нормально, люди – часть природы. Но Владу весна представлялась скорее проснувшимся ребенком: еще заспанный и чуток заторможенный, он уже сияет свежей, счастливой улыбкой!

Влад вспомнил, что рядом стоит девушка.

Неловкость.

Вышли-то они вместе, да момент выхода короток. Как только закрылась за ними дверь ресторана, сразу возникло слово «пошли». *Пошли* – куда? В каком месте разговор продолжить?

– Может, посидим... где-нибудь?

Он имел в виду кафе. Но она спросила:

– У тебя? Или у меня?

Опа-на! Перспектива оказаться в постели с едва знакомой девицей его никак не устраивала. Наутро она будет считать, что у них отношения, и ему снова придется всеми силами откручиваться от навязанных ему обязательств... В общем, он это уже проходил. И до Евы, и с Евой.

Владу не нравились женщины, которые пытались его «взять». Его абсолютно не волновали проблемы равноправия полов, он просто устроен так: его мужское начало категорически противилось подобному обхождению! А может, он ошибался, приписывая свою нелюбовь к инициативным дамам мужскому началу? Может, все дело в том, что он охранял свой мир от чужих? Их инициативность ощущалась им как бесцеремонность, словно кто-то без спросу вламывался в его жилище и немедленно пытался в нем обосноваться навсегда под предлогом невесть когда и откуда возникших «отношений»...

Беда в том, что девушки всегда хотели «отношений», из которых в перспективе вытекало замужество. Эта практическая цель заложена в них природой, и Влад природу уважал,

но... Она заставляла женщин действовать несколько излишне напористо. Во всяком случае, с ним, с Владом: обманчивая мягкость его внешности вызывала в них желание прибрать к рукам «бесхозного мужика» – именно такие слова о себе он однажды случайно услышал в разговоре официанток ресторана.

Но он вовсе не был «бесхозным», он был своим собственным! И совершенно не требовалось ему, чтобы его «прибирали к рукам»! Он хотел, чтобы однажды случилось все само собой, легко и невесомо, будто что-то смешалось в воздухе, как смешиваются два аромата, превращаясь в «букет»...

Он совершенно не представлял, как это должно произойти, как это поймется и почувствуется, но до сих пор ничего похожего с ним не случилось, и он ждал. Должно же когда-нибудь такое случиться?

Вот тогда – и только тогда! – можно будет начинать «прибирать к рукам» друг друга... Потихоньку, не торопясь, приручая к себе, приручаясь самому, чтобы затем вместе войти в... В то, что называется *любовь*. Под этим туманным словом Влад понимал сильное и всеобъемлющее чувство, способное придать новое измерение жизни. Он верил, что оно существует. Даже если до сих пор не довелось его испытать.

А пока, в ожидании лучших времен, он предпочитал просто секс, и у него имелась хорошая подружка, которая, по каким-то своим причинам, тоже предпочитала просто секс. У них были отличные отношения, никакого флирта, чистая

дружба, полное взаимопонимание... Их дружбу можно было бы даже назвать совершенно платонической – вот такой парадокс!

* * *

– Я имел в виду... Может, в кафе? – с легкой прохладцей спросил он.

– Только что отсидели в одном ресторане, теперь в другой? Там накурено и вообще... Хочется в домашней обстановке поболтать!

Даша, казалось, не заметила его прохладцу.

– Но я... у меня... – Он быстро прикинул: она наверняка живет с мамой, которая волнуется о ее... хм... пищеварении... Значит, к ней нельзя, и, если он сейчас открутится от приглашения к себе, то вопрос сам собой завянет! – У меня дома бардак... – смущенно закончил он.

– Поехали ко мне, – безмятежно предложила Даша. – Тут недалеко, несколько станций. Или ты на машине?

– На метро...

– Я тоже. Доскажешь про вино!

– Но... У тебя же мама... Я слышал, ты говорила с ней...

– Ну и что? Мама тоже с удовольствием послушает! Ты так здорово рассказываешь! Поехали?

Наличие мамы, готовой пополнить собой аудиторию, Влада вполне примирило. Значит, Даша действительно хотела

только поговорить о вине и никаких видов на него не имеет! Зато интерес к вину дорогого стоил в его глазах.

Влад еще раз окинул Дашу изучающим взглядом и осторожно принюхался.

Нюх его был очень острым, да, что отличало его от обычных людей. Но не только это. Влад воспринимал запахи как зверь, то есть не делая различий между «хорошими» и «плохими», как их понимало большинство. Естественные запахи тела никогда не оскорбляли его обоняние. Основная демаркационная линия пролегла для него в иной плоскости: закончился процесс брожения или нет?

Пиарщица Юля, к примеру, пахла ромом, сладко и плоско. А Ева пахла текилой – хмельно и безапелляционно, без нюансов. Так пахнет блуд, который не умеет придать себе благородный вид... В обоих этих запахах, столь разных, отчетливо наличествовала нотка брожения – резкая, сивушная. От которой наутро болит голова. И еще какое-то место в груди, где, по слухам, обитает душа.

Тогда как вино или коньяк – это напитки гармоничные. Брожение в них закончилось, как подростковые прыщи, – они стали мудрыми и душа их зрелой.

Принюхавшись к Даше, он с удивлением ощутил, что пахла она смородиной. Точнее, смородиновой почкой. Это был запах ДО брожения, первородный, запах чистоты и наивности...

– Поехали! – легко ответил он. – Подожди только пару

минут, вино возьму для дегустации, я мигом!

Он сгонял в ресторан, стараясь не попасться Еве на глаза, схватил две бутылки, которые намеревался предложить Даше и ее маме для сравнения, для наглядности. Через пять минут они уже входили в метро, а еще через двадцать минут – в квартиру Даши.

* * *

В квартире было тихо и темно. Похоже, мама Даши легла спать.

– Проходи сюда, – девушка указала ему на коридор, ведущий к кухне. – Ничего, что не в комнате?

– Нормально.

– У меня в квартире даже обеденного стола нет... Всех приглашаю на кухню, – улыбнулась Даша. – Там удобнее!

Что-то в ее фразе... «У меня в квартире»... Не у нас – у меня!..

– Сколько бокалов ставить? Мне два, для сравнения, да? А ты сам будешь пить, тебе ставить? – спросила Даша.

– Тебе два. И маме твоей два, – нашел Влад способ выяснить недоразумение. – А мне один. Я просто немного выпью за компанию с вами.

– Маме не нужно. Ее вообще-то тут нет, по правде говоря... Она живет отдельно от меня. Или я живу отдельно от нее, – засмеялась Даша. – У нее новый муж и двое маленьких

детей. Мы с мамой дружим, но жить вместе... Это перебор, согласишься! Это моя квартира, вернее, она родительская, но мама перебралась к новому мужу, а папа – к новой жене.

– Ты меня... обманула?

– Ага, – легко согласилась Даша.

– Зачем?

– А что, ты очень хотел познакомиться с моей мамой? –

Она фыркнула от смеха.

– Нет, – смутился Влад.

– Я просто хотела дослушать о винах! Но мне показалось, что ты бы иначе не пошел ко мне...

– А зачем тебе слушать о винах? – угрюмо требовал ответа Влад, чье самолюбие было задето. Мало того, что она его обманула, так еще и издевается!

– Ну ты и зануда! Мне просто интересно, потому что ты здорово рассказываешь, это во-первых. А во-вторых, я работаю в Библиотеке культурологии, слышал о такой? В отделе редких рукописей. Пишу диссертацию об эволюции французских слов в русском языке. И у меня есть рукопись девятнадцатого века одного трактата о винах, в которой я ничего не понимаю. Но теперь, с твоей помощью, надеюсь разобраться!

Влад подумал немножко и улыбнулся.

– Я взял две другие бутылки. Сейчас расскажу тебе о белом вине: чем отличаются сухие белые бордо от эльзасских вин... Ставь бокалы.

– И еще ты обещал мне объяснить, что такое купаж!

– А, да... Купаж – это когда смешивают различные вина, чтобы добиться определенных качеств по вкусу, цвету, терпкости, хотя многие виноделы считают, что подобное обращение с вином есть варварство, и пытаются добиться запрета на купаживание...

* * *

Они совсем немного просидели на ее кухне, но ведь и приехали поздно, после банкета. В половине второго ночи у Даши стали закрываться глаза. Она пару раз роняла голову на грудь, но тут же открывала глаза и просила продолжать. На третий раз Влад поднялся.

– Тебе ведь на работу с утра, да?

– К десяти, – пробормотала она.

– Я пойду. Такси только закажу.

– Хочешь, я тебе на кухне постелю, на этом диване...

– Да нет, не буду тебя обременять своим присутствием...

– Как скажешь.

Владу вдруг стало немного досадно, что она не стала настаивать. Но виду он не подал, деловито набрал номер, заказал машину.

– Слушай, мне что-то нехорошо... Кажется, передегустировала твоего вина... Голова кружится... Я пойду лягу, а ты просто дверь захлопни, ладно?

– Давай помогу тебе дойти до кровати. – Влад поддержал ее под локоть. – Извини, я не думал, что от такой дозы ты можешь захмелеть... Хотя, если ты раньше вина никогда не пила, оно же для тебя «кислятина»... – Влад осторожно вел ее к комнате, – то могла, конечно, захмелеть с непривычки... Я виноват, не подумал. Кстати, поэтому у тебя могли возникнуть проблемы с... – Он чуть не сказал «с поносом», но вовремя спохватился: для него любое проявление физиологии, будь то даже понос, есть явление природы, не подлежащее осуждению и критике, – явление естественное и нестыдное. Но девушку подобное слово в его устах могло смутить: одно дело доверить свои проблемы маме, и совсем другое – мужчине! – С пищеварением, – закончил он фразу. – Ты маме жаловалась, я слышал. – Он улыбнулся. – Но это только поначалу такая реакция, не волнуйся, потом организм привыкает... Сюда?

Даша кивнула. Влад отворил дверь, за которой обнаружилась маленькая спальня. Он нашарил на стенке выключатель. Неяркий свет двух ночников озарил комнату, выдержанную в цвете слоновой кости, в который местами вкрапливался темно-розовый. В центре ее находилась большая, широкая кровать под прозрачным кремовым пологом. Покрывало на кровати было необычным, напоминало по форме лепестки.

Он почувствовал смущение – место ощущалось как очень интимное, личное и еще... Оно вступало в странное противоречие с Дашей. Влад не смог бы подобрать слов, но если

перевести ощущения на язык вкуса и запаха, то эта спальня воспринималась им как вишня, спелая и сочная, полная магии состоявшейся женственности, – и как она могла принадлежать Даше, с ее внешностью пацанки и запахом смородиновой почки?!

– Ты сама сможешь теперь... – Он не знал, что именно имел в виду. *Раздеться?*

– Не волнуйся... Я даже раздеваться не стану, – словно подслушав его мысли, пробормотала Даша. – А ты дождись звонка от такси, не стоит ночью болтаться на улице... Чаю сделай там или кофе, если хочешь...

Даша упала на кровать, прямо на покрывало, едва успев сбросить тапки.

Влад, прикрывая дверь, на мгновение обернулся. Она раскинулась на своем ложе, как на доньшке огромного диковинного цветка. Казалось, что на ночь цветок сомкнет вокруг этого маленького тела свои лепестки, чтобы укрыть его от холода, любовно убаюкать в своем лоне.

Неясное чувство зашевелилось в его груди, зашебурилось, заворочалось.

Наверное, потому что сцена, которая ему представилась, была очень красивой.

И очень эротичной...

Он вернулся на кухню, закупорил початые бутылки, нашел листок бумаги на холодильнике, вытащил из нагрудного кармана ручку и размашисто написал: «СПАСИБО ЗА ХО-

РОШИЙ ВЕЧЕР!»; взял свою сумку и направился в прихожую. Там он несколько секунд слушал под дверью спальни.

– Даша, ты спишь? – негромко спросил он.

Нет ответа.

Влад осторожно приоткрыл дверь. Он не знал точно зачем – наверное, хотел убедиться, что с ней все в порядке?..

В спальне горел свет – Влад не сообразил выключить его, уходя, – освещая раскинувшуюся на кровати девушку. Она лежала на животе, щека придавила подушку, рот приоткрылся; ее юбка в складку немного задралась с одной стороны, открыв четкое полукружье правой ягодицы... Показалось, что трусов на ней нет, но Влад быстро сообразил, что она носит стринги.

Желание обожгло его, но он справился с ним, прогнал. Он тихо подошел к кровати, завернул край лепесткового покрывала и накрыл им Дашу. Затем погасил свет и вышел. В этот момент завибрировал его мобильный: такси подали. Влад схватил трубку раньше, чем она перешла на звонок, и направился в сторону кухни, чтобы звук его голоса не разбудил девушку.

– Да, спускаюсь, – коротко ответил он.

На кухне он придвинул к себе свою записку, добавил: *«P.S. А кто такой «чайльдгарольд»? Если решишь просветить невесту, вот телефон...»* И он размашисто приписал свой номер.

В прихожей Влад огляделся. Ага, вот она, сумка Даши!

Он быстро нащупал в ней мобильный, набрал на нем свой номер. Его сотовый снова завибрировал и высветил входящий, Дашин.

Теперь можно уходить. Влад тихо захлопнул входную дверь за собой.

Там, за ней, остался *Дашин мир*. Иной, чем его, но тоже «свой»... Особенный, недоступный ему.

И он вдруг ощутил, что ему очень хочется в него проникнуть, познать его, занять в нем какое-то место...

В этот момент он даже не вспомнил, что идеал – это когда два аромата сливаются в «букет». Он не знал и не думал, слилось что-то или нет, – он просто почувствовал, что ему хочется попасть туда, в этот Дашин мир...

Может быть, подумал он вдруг, те женщины, включая Еву, которые пытались любой ценой завести с ним «отношения», – они чувствовали то же самое? Мир Влада притягивал их, и им хотелось занять в нем какое-то место?

Сравнение ему отчего-то не понравилось. Во всяком случае, сказал он себе, уж он навязывать себя Даше не станет!

* * *

На следующий день он поймал себя на том, что ждет с нетерпением звонка от нее.

Дождался он эсэмэски.

«Чайльд Гарольд. Перечитай «Евгения Онегина. Это как

твое вино, терпко и «букет» потрясающий, только покрепче будет! Байрона тоже не помешает».

И больше ничего. Ни намек на следующую встречу, ни ответного слова насчет «хорошего вечера»... Ничего!

* * *

У Даши имелся один секрет, который она тщательно оберегала от всех: она была *нимфоманкой*. Ну, не совсем, конечно, нимфоманкой в медицинском значении этого термина, но...

Но так ее называли все мужчины, с которыми у нее были отношения. Кроме первого, *первенького*, так прозвала его уничижительно Даша, мстя за разочарование. *Первенький*, красавчик, спортсмен изаписной школьный мачо, кричал восторженно, когда они в первый раз оказались в постели: «Ну ты и б...дь!»

Он ничего обидного не имел в виду: ему просто не хватало словарного запаса, в свои восемнадцать он был второгодником. Тогда Даша простила его невежество.

Потом, через несколько встреч, когда он понял, что не в состоянии удовлетворить Дашин аппетит, он снова кричал, но уже не восторженно, уже с гадким выражением на лице: «Да ты просто б...дь!»

Да, да, у нее наблюдался повышенный сексуальный аппетит. Ничего особенного, аппетит, как у других бывает аппетит к еде... Есть люди, которым организм вовсе не сигнализирует: *не пора ли поесть?* А есть такие, которым не то что сигнализирует, но прямо-таки кричит, а то и болезненно дает под дых: *давай, корми меня!!!*

Вот примерно так складывались у Даши отношения с сексом. Тело ее требовало: *давай, корми меня!* А иногда и под дых давало...

Проблема же заключалась в том, что Даша, взращенная в семье русских интеллигентов, никак не могла себе представить физическое единение без духовного. Иными словами, без любви.

Ну что ж, любовь ее посещала, и даже не раз, как же девушке да без любви? После печального опыта с *первеньким* она решила: ей нужен мужчина постарше. Зрелый, искушенный!

Им стал сорокалетний режиссер короткометражного (экспериментального) кино. Он тоже, как и школьный сердцеед, мнил себя половым гигантом... Даша купилась на имидж, но эксперименты его, видимо, ушли целиком в киноискусство. В постели он был вял и краток. Да только краткость не всегда сестра таланта...

Потом у нее случился роман с одним начинающим писателем. Настоящий роман, нежный, страстный, волнующий. Они встречались два месяца и решили, что отныне и навеки ясно: они созданы друг для друга!

Прожили они вместе полгода, по истечении которых ее принц сбежал. На недоуменные, приправленные искренним страданием вопросы Даши «почему???» он ответил:

– Прости. Я не могу тебе соответствовать. Твои сексуальные потребности превосходят мои возможности, и я рядом с тобой чувствую себя последним ничтожеством...

Даша пыталась его уговорить, убедить, что проблем никаких нет, она его любит, она не хочет его терять!

– А насчет секса, так это не вопрос, можно купить секс-игрушки...

Он ее перебил резко:

– Ты решила меня добить?! Секс-игрушки, е-мое! Ты хочешь окончательно из меня сделать импотента?!

– А что такого? – удивилась Даша. – Еще в «Камасутре» описано, ты не читал, что ли? Да и вообще, многие пары ими пользуются, во всех книгах по сексологии об этом пишут...

– А одна заморская певичка даже кричит на весь мир, что влюблена в свой вибратор, так что же теперь...

– Ой, ну она же известная провокаторша, только при чем тут она? Я же в тебя влюблена!

– Влюблена?! Ты мне все время даешь понять, что я тебя не удовлетворяю!

– Я не *даю понять*! Просто мне трудно все время притворяться и скрывать, что ты меня...

Даша смутилась и умолкла. А он, покачавшись на каблучках еще с минуту, молча повернулся и вышел, хлопнув дверью.

* * *

Значительно позже Даша поняла: его обеспокоенность своей половой силой не имела на деле никакого отношения к желанию удовлетворить Дашу (как и вообще женщину)! Нет, эта самая сила являлась отвлеченным показателем, способным удовлетворить (или нет) его самолюбие мужчины!

Да только понимание, даже самое ясное, не всегда приносит успокоение... Тогда эту свою любовь, самую серьезную и зрелую, она оплакивала почти год. Она ненавидела себя за свои плотские желания. Она почти презирала себя...

Перестрадав разрыв, Даша пришла к трезвому, но неутешительному выводу: она порождает у мужчин комплексы неполноценности. Расхожее представление о том, что им, мужикам, нужен только секс, не выдерживало никакой критики. Он им не нужен! Нельзя же считать *сексом* то, что они способны проделать в постели с любимой женщиной?..

Или все-таки она, Даша, не нужна? Она не удостоилась *настоящей* любви?!

Она не знала, что и думать.

Где-то в просторах Интернета она читала мужские жалобы на женщин, которым не нужен секс... а только дети... или ремонт в квартире... Но где обитают такие мужчины? Где?!

Знакомиться через интернет-сервисы ей претило: Даша была высокодуховной девицей и партнера выбирала придирчиво. Интернет не предоставлял возможности по-настоящему ощутить личность и еще меньше сексуальный потенциал кандидата. В виртуале мужики безбожно ввалили насчет этого самого потенциала, Даша вранье отлично чувствовала.

В результате к своим двадцати пяти годам она стала ощущать себя едва ли не изгоем (изгойней?). Ей хотелось любви, которой сопутствовал бы мощный и изысканный секс... А ничего у нее с этим не получалось. Либо секс без любви, либо любовь... вялая такая любовь с вялым сексом, которую предоставлял ей реал.

Ее повышенная сексуальность стала ей представляться аномальной, неприличной, непристойной... способной лишь смутить и даже обидеть *нормальных* людей...

Она решила сменить имидж, спрятать свой повышенный темперамент, на который столь безошибочно реагировали искатели плотских утех. Завела себе простенькую прическу – свободно падающие на плечи волосы, ни длинные, ни короткие, которые она зачастую подбирала в обезоруживающий хвостик на затылке, – и подростковую одежду, и эти очки в розовой оправе – вроде как она дура-дурочкой, институтка, смолянка... Ей удавалось обмануть мужчин, даже если в

ней таилась скрытая сексапильность, которую они интуитивно ощущали, как ощущают электричество в воздухе перед грозой, но не понимали, откуда этот sex appeal прозвучал... Будто он исходил не от Даши, а так, из воздуха, сгущаясь в атмосфере сам по себе.

И Влада ей удалось обмануть, она была уверена. На этот раз она разыгрывала институтку с особым старанием: мгновенно учуяла, что у парня непростые отношения с женщинами. Немудрено: такой обаяшка! Особенно хорош, когда вдохновлен, когда о винах своих разлюбимых говорит! В карих глазах начинают вспыхивать сумрачные искры, тонкие ноздри раздуваются... Очень эротично, черт его побери! Все женщины только на него и глазели в тот вечер! А одна, сотрудница ресторана, сильно декольтированная дамочка, так и вовсе откровенно пожирала его глазами. Съела бы она Владика и даже косточки бы не выплюнула!

Так что пришлось Даше весь вечер особо старательно изображать девочку-смирenniцу, ограничившись чисто профессиональным интересом. Послушала о винах, вот и хорошо: интересно вообще и для работы пригодится в частности.

Вина, которое он принес, нарочно перебрала. Даже не перебрала, а просто податой прикинулась: институтка, смолянка, к спиртному непривычная! Хотя на самом деле она вполне могла пару рюмок водки выпить и не опьянеть! Но в тот момент Даша четко поняла: вечер пора сворачивать.

Ее плотские желания разгорались и тяготили физически и душевно. Еще немножко, и она перестанет себя контролировать!

* * *

...Как только за Владом захлопнулась входная дверь, Даша откинула покрывало, которым он столь трогательно ее прикрыл, и села на кровати по-турецки. Сердце звучно билось. Влад... Влад!

Он ушел, и мир вдруг словно стал беднее. Поблек, померк, скукожился.

«Боже, ЧТО ЭТО? Скажите мне, что происходит?!» – звала Даша.

Взывала она не к богу, не к черту, не к духам – Даша нередко разговаривала сама с собой, как повелось еще в детстве, когда играла в куклы и за «маму», и за «дочку».

«Что-что, влюбилась ты, вот и все!» – пришел к ней ответ.

«Любви с первого взгляда не бывает! Это выдумки романисток!»

«Отлично, будем считать, что он вызвал у тебя сильное физическое влечение!»

«А почему тогда у меня такое чувство, словно он уволок кусок моей души, не знаешь?»

«А ты не знаешь?» – ехидно ответило второе «я».

«Дурища ты, – сокрушенно вздохнула Даша, – вот дури-

ща!»

«Сама такая!» – обиделось ее альтер эго.

«Что-то есть в нем такое... Слушай, что в нем такого, а?»

«Он симпатичный. Золотистые волосы, светло-карие глаза – хорош собой парень!»

«И что с того? Я и сама хороша собой, что дальше?»

«От него тепло исходит, – подумав, сообщила Даша-два. – Теплое такое тепло...»

«Вот здорово, пригодится зимой!»

«Вовсе не смешно! Оно обволакивает... Оно завораживает...»

«Ты удивительно оригинальна, подруга!» – съехидничала Даша-первая.

«Да только не тебе оно, Даша, предназначено. Это он такой... сам по себе!»

«Какой такой?»

Они обе, Даша-один и Даша-два, задумались.

«Наверное, он просто любит жизнь, – проговорила Даша-два. – Людей... природу... От него эта любовь исходит... Она словно всех обнимает... ненароком... А женщинам кажется, что эта любовь обращена к ним, вот они на него и западают! Видела, как на него смотрели в ресторане?»

«Еще бы... Особенно та, в красном платье с декольте... Ева, кажется».

«Вот-вот. И ты, ты тоже поймалась!»

«Хочешь сказать, что у него ко мне ничего?»

«Я не хочу сказать, я уже сказала, дурища!» – вернула ей обидное слово Даша-два.

Но Даша не обиделась. Нельзя же обижаться на саму себя!

«Неужели совсем никаких чувств? Даже симпатии?» – не соглашалась Даша-первая.

«Ну... симпатия, кажется, наличествовала...»

«Конечно, наличествовала! Иначе он разве поехал бы ко мне?»

«Мало ли, может, он так любит о винах говорить, что готов...»

«Глупости! – перебила себя, вторую, Даша. – Неужто он к каждой девице будет таскаться по вечерам, чтобы рассказать ей о винах? Нет, я ему понравилась! И потом, как он меня довел до комнаты, а затем еще зашел и укрыл... Понравилась я ему, ясно?!»

«Ладно. А что делать-то теперь? Что?»

Тут две Даши собрались в одну.

И эта одна Даша ответила себе: «Ничего».

Влад явно осторожничал в отношениях с женщинами – достали они его, видать! А она, Даша, осторожничала в отношениях с мужчинами. Они ее тоже достали! Она стала бояться влюбиться. Влюбишься, сойдешься, а потом он скажет: *Я не могу тебе соответствовать...* И бросит ее! И она будет страдать!..

«Ничего! – подтвердила свой приговор Даша. – Ничего не делать! Был вечер и закончился. И все. Забудем».

Из глаз ее выкатились две горькие слезинки. Даша поднялась, направилась в ванную, пустила горячую воду... Забрела на кухню, чтобы выпить воды, и тут увидела записку: «СПАСИБО ЗА ХОРОШИЙ ВЕЧЕР!» И дальше про невежду... Влад оставил возможность для новой встречи! Он хочет увидеться с ней еще!!!

Слезы с новой силой полились из глаз. А что ей делать, если она влюбится, а потом окажется, что... что он «не может ей соответствовать»... и бросит ее?!!

Она забралась в душистую ванну, и слезы ее еще долго мешались с теплой пенной водой.

* * *

После той эсэмэски, когда Даша посоветовала ему перечитать «Онегина», наступила тишина. Она ему не звонила, и он не знал, как к этому относиться. Обычно, когда девушки проявляли к нему интерес, то потом само выходило так, будто у них с Владом завязывались отношения. А если не завязывались, то лишь потому, что Влад делал все, чтобы этого избежать.

Но с Дашей ничего не завязалось почему-то. Похоже, что она и впрямь хотела только послушать о вине... в домашней обстановке... И никаких других мыслей в ее милой русой головке не водилось!

И это было немного... обидно, что ли... У него из головы

не шло видение девушки на ложе цветка, готового обнять ее собой. Так, словно Даша ему принадлежала! Словно они состояли в каком-то тайном союзе – эта комната и ее хозяйка!

Влад не понимал, отчего это видение насыщено столь сильным эротизмом, будто сами стены спальни источали его, как аромат. Оно волновало его, это видение, оно преследовало его! В груди шебуршилось и ворочалось, и он с нетерпением ожидал ее звонка.

Но только она не звонила.

* * *

Прошла неделя, отвратительно долгая. И Влад решился. Набрал ее номер.

Поблагодарил за «Евгения Онегина», сказал, что получил настоящий кайф, перечитывая. И попросил ее быть наставницей в круге его чтения.

Дарья легко согласилась, и некоторое время они перезванивались по поводу «круга чтения».

Владу этого было мало. Он ни разу не вспомнил о том, что однажды должны *соединиться два аромата и образовать «букет»*. Он хотел ее видеть! Странно, но он ни разу не спросил себя, как там у них происходит с ароматами и «букетами». Он просто хотел ее вновь увидеть!

И несколько дней спустя он позвал ее на ретроспективу немого кино. А еще через несколько дней Даша позвала его

на выставку средневековой западной миниатюры...

И они стали встречаться!

* * *

Они стали встречаться, да... Всегда на публике, всегда куда-нибудь шли. Даша даже заезжала за ним пару раз в ресторан, вызвав острый приступ ревности у Евы.

Но их отношения с Дашей странным образом не складывались. Они встречались довольно часто, да... Но Влад чувствовал, как перед прощанием – когда естественно было б ее обнять и отважиться на поцелуй – она старалась поскорее улизнуть. И не знал, что об этом и думать. Это ведь ненормально, она ведь не девочка, чтобы бояться первого поцелуя, да и вряд ли он первый. Но тогда что? Даша не хотела переводить их отношения, имевшие видимость нежной дружбы, в более близкие?

Теперь он с усмешкой, если не сказать с *насмешкой* над самим собой, вспоминал их первый вечер. Как он тогда заподозрил, что Даша решила завести с ним *отношения*, те самые, которые первый шаг в его жилище, в его жизнь. Непрошенные и ненужные ему!

А вот поди ж ты, теперь ему так хотелось, чтобы она *запланировала* завести с ним *отношения*! Да только она явно не *планировала*...

Почему? Он не знал.

Желание изводило его до такой степени, что в ее присутствии он начинал подрагивать, но она, казалось, не замечала или не хотела замечать. Поначалу он удовлетворял жажду со своей «платонической подругой», но постепенно он стал чувствовать отвращение к дружескому сексу. Ему была нужна Даша, только она, и суррогат его не устраивал!

Но Даша не делала ни одного жеста к сближению. И однажды он твердо решил: сегодня он Дашу поцелует!

Проводил, как обычно, до подъезда – она, к слову, больше ни разу его домой не пригласила! – и тут Влад крепко взял ее за плечи, потянул к себе.

Но Даша замерла, словно пойманная в силок птица, нахохлилась. Влад ладонями чувствовал, как напряглось ее тело.

– Что такое, Дашка? – с досадой спросил он. – Ты меня боишься?

– Я *себя* боюсь... – прошептала она с неожиданной горечью.

Он не понял. И не принял этот драматический ответ. Какие у нее могут быть страхи?

– Даш, – мягко заговорил он после короткого раздумья, – ты... фригидна? Ты не бойся, скажи честно, это совсем не страшно, мы с этим справимся, вот увидишь!

Она молчала, только голову опустила.

– Или ты... девственница?

Она вскинула на него изумленные глаза. Затем ее подбо-

родок задрожал, она всхлипнула, вывернувшись из его рук и бросилась домой.

Влад остался с пустыми руками – они словно кровоточили, потеряв Дашу. Словно она была их кожей, и с ее побегом кожу содрали.

В этом было что-то неправильное. Неправильное, как недоразумение. Как ошибка.

Он что-то не понял в Даше, это ясно!

Только неясно, что...

* * *

Дома Даша долго рыдала на постели. Она сделала непростительную ошибку! Ей следовало сразу с Владом выяснить вопрос их сексуального соответствия! Пока она не была в него влюблена!

Но тогда не был к этому готов он... И Даша лишь испортила бы все! Она бы стала для него одной из тех многочисленных девиц, которые первым же взглядом дают понять, что не прочь... Или даже хуже, как Ева, пытающаяся всеми способами заявить на Влада права... Он бы тогда от Даши сразу отвернулся, сразу бы сбежал...

А теперь, теперь-то как быть? Решиться наконец выяснить, каков его темперамент? А вдруг окажется, что он ей не соответствует? Тогда что? Расставаться с ним? Когда она уже его так... Так любит!!!

...Или не расставаться? Дождаться дня, когда он сам ей скажет: я ухожу, ты вызываешь у меня комплексы неполноценности?!

Проблема казалась неразрешимой, и Даша проплакала до рассвета.

* * *

А на следующий день, когда она пришла в библиотеку опухшая от недосыпа и слез, к ней неожиданно-негаданно за-явилась Ева.

...Влад представил их друг другу в первый же раз, когда Даша заехала за ним в ресторан, – они собирались на поздний сеанс в кино. Глаза женщин встретились: безмятежные Дашины и жаркие, как жерло вулкана, Евы.

Уходя, Даша чувствовала, как у нее между лопатками горело. Она обернулась. Ева смотрела на нее жадными и обреченными глазами.

Даша поежилась.

– Она тебя любит, да? – спросила она Влада, когда они вышли на улицу.

– Ева? Наверное. – Он пожал плечами.

– Она красивая...

– Красивая, – кивнул Влад.

– Тебе ни разу не захотелось ответить на ее чувства?

– Тебе обязательно это знать?

– Желательно. Если ты не против.

– Ну, поначалу, когда она к нам пришла работать, я подумал: роскошная женщина! Мне даже хотелось с ней переспать.

– И почему же ты...

– Потому что между «переспать» и... «завести роман», назовем это так... большая разница. А Еве очень скоро захотелось именно романа со мной. Что меня не устроило.

– Потому что она старше тебя?

– Нет... Я думаю, что немало мужчин, и даже помладше меня, были бы просто счастливы на моем месте.

– А почему *ты* не захотел?

– Какая ты любопытная! Зачем тебе копать в подробностях, а?

– Так интересно же узнать, что у тебя в душе происходит! Мы же друзья! – И Даша посмотрела на него чистым наивным взглядом, поправив очки.

«Друзья». Знала б она только, как каждую ночь он, засыпая, раздевает ее, как прижимает к себе ее хрупкое нежное тело, как воображает все те ласки, которыми так хотел ее осыпать!

– Ах, ну да, *друзья*, – иронично растянув слова, произнес он.

Но Даша на его иронию никак не отреагировала. Или сделала вид, что не заметила.

– Я не захотел, потому что Ева... Я бы стал плюшевым

котенком в лапах тигрицы. Она бы мне бутылочку с соской совала в рот в поощрение за хорошее поведение и шлепала бы когтистой лапой по заднице заслушание! Роль сыночка-любовника мне никак не улыбалась.

– Ева властная?

– Без сомнения.

– А по-моему, она несчастная.

– Ты хочешь, чтоб я ее пожалел? – хмыкнул Влад.

Даша шутливо возмутилась в ответ, и тема о Еве была закрыта.

* * *

Во вторую встречу с Евой в том же ресторане Даша убедилась: эта «роскошная женщина» была несчастна. Вся ее яркая внешность напоминала клоунскую нарисованную улыбку, за которой почти незаметны его печальные глаза.

Даше живо представился провинциальный южный город, местная красавица из скромной семьи, жаждущая красивой жизни и красивых отношений... В школе училась спустя рукава – не ее это конек, знания! – зато в те годы сформировались ее вкусы, высмотренные жадным взглядом в модных журналах. Наивная и ограниченная, она постоянно обжигалась на парнях. «Простые» ее бросали из-за ее непомерной жажды «красивой жизни», которую не могли ей дать, а те, которые могли бы, те просто ею пользовались... А потом

случилось чудо: муж ее сестры разбогател, выбился в «олигархи», и Еву по доброте душевной пригрели, в столицу за собой перетащили, денег подкинули... И тут Ева бросилась осуществлять свои мечты: нахватала нарядов, о которых грезила еще в отрочестве, и принялась старательно входить в образ «светской львицы». Да только вычитанный в модных журналах рецепт успеха счастья ей не принес, вот в чем беда!

Неудовлетворенность, которую Даша ощущала в Еве, не имела ничего общего с сексуальной. Без сомнения, у нее были любовники, – может даже, тот самый добренький олигарх... И доступ к красивым вещам и красивой жизни она приобрела. Нет, неудовлетворенность Евы была природы душевной: ей не хватало *настоящего*.

И Даша женским чутьем поняла: Влад приглянулся Еве даже не потому, что был хорош собой и молод, нет. Она учуяла в нем то самое *настоящее*. Ту неподдельную поэтичность, с которой он воспринимал мир. Ту любовь, которая оведала его отношения со всем сущим...

То, что Даше самой так нравилось в нем!

Иными словами, Даша Еву понимала и даже ей отчасти сочувствовала. Но таранная напористость Евы была ей глубоко чужда и несимпатична и Дашу настораживала...

* * *

И вот Ева заявила к ней в библиотеку!

Даша не работала на выдаче книг, она занималась рукописями в отдаленной от читального зала комнатке, но ее позвали.

– Можем поговорить? – осведомилась Ева, перекинув прядь завитых волос с плеча на спину.

– Проходите, – спокойно ответила Даша.

В комнатке она заняла обычное место за столом, а Еве указала на свободный стул, сняв с него стопку книг. Диспозиция Еве не понравилась: будто на приеме у начальства. Но, обведя глазами комнатку, она поняла, что другого варианта нет, и царственно опустилась на стул. Положила ногу на ногу, обнажив точеное колено, перекинула прядь в обратном направлении... Даша ждала, сложив руки на столе.

Молчание затягивалось. Ева изучающе рассматривала Дашу. Даша смотрела на Еву не изучающе – просто ждала, что скажет посетительница.

– Что у вас с Владом? – выпалила вдруг Ева.

– Не лучше ли вам у него спросить? С ним вы коллеги, а со мной даже незнакомы.

– Я спрашивала.

– Ну так?.. Надеюсь, его ответ вас удовлетворил.

– Ни черта он меня не удовлетворил! Он сказал, что меня это не касается!

– Может, он прав?

– Меня это касается!

– Вы его мама?

– На мой возраст намекаешь, говнюшка?

Даша встала, раскрыла дверь:

– Извольте выйти вон.

Ева не шелохнулась. Даша тоже, держа дверь раскрытой.

Из смежной комнаты на них стали посматривать сотрудники.

– Ладно, извини, – выдавила из себя Ева. – Закрой дверь,

сядь.

Даша не сдвинулась с места.

– Люблю я его, понимаешь...

Ева вскинула на нее мученический взгляд, и чувство жалости слабо шевельнулось в Даше. Она села на место.

– Ева, я не вижу, чем могу вам помочь. И на возраст ваш я не намекала – только на вашу странную опеку по отношению к Владу... Чего вы хотите от меня?

– Он тебя любит, да?

– Не исключено.

– НЕ ИСКЛЮЧЕНО?! Да он сияет, как лампочка Ильича, когда ты появляешься!..

Она помолчала, Даша тоже.

– Чем ты его взяла?

Даша пожала плечами.

– Молодостью? Тебе сколько?

– Двадцать пять, но сомневаюсь, что это имеет значение.

У вас в ресторане работает много молодых и вполне симпатичных девочек, которые тоже на Влада посматривают...

– Еще как посматривают, сучки!

– Ева, вам придется воздержаться от подобных выражений в моем присутствии. Или я немедленно выпровожу вас отсюда.

– Не буду, не буду... Я не злая, – она снова переложила прядь, – ты не думай. Просто жизнь такое дерьмо, и люди поганки. Вот я и...

– Ева, у меня много работы. Чего вы хотите от меня?

– Что в тебе такое есть, не пойму... Что-то же есть, раз он за тобой, как щенок, виляя хвостом... Что?!

Даша молчала, рассматривая гостью, ее излишне открытое для рабочего времени и обстановки платье, ее почти красные волосы, ее слишком зеленые глаза в слишком зеленых же тенях... И снова ей представился провинциальный городок на юге России, и местная красавица, столь жаждущая «красивой жизни и красивых отношений»...

– Оставь его мне, – заговорила, понизив голос, Ева. – Оставь! Разорви с ним, скажи, что у тебя другой... Я тебе заплачу. Миллион, пойдет?

Даша не ожидала подобного подхода к делу. Она прыснула со смеху.

– Недорого вы Влада оценили!

– Хочешь больше? Два? Три? Сколько, скажи?

– Ева, я не торгуюсь, я потешаюсь.

– И что же смешного я сказала?

– Да вы же пытаетесь «перекупить» у меня Влада! Как будто он модное платье!

– И что тут смешного?

– Да уж, скорее грустно... И как вы себе это представляете? Допустим, я соглашусь, – и что, Влад в вас влюбится?

– Соглашайся, соглашайся! Я тебе два... нет, три миллиона дам! Такие деньги на дороге не валяются, квартиру можно завалищую купить! Зачем он тебе? Ты себе другого найдешь, в твоём возрасте девки неразборчивы, любой хрен при кошельке сгодится... Влада в отставку отправишь, он страдать начнет, тут я его и утешу! Приму в свои объятия, как говорят поэты.

– И он пойдет? – подначила Даша.

– Железно. Обидится на тебя и на всех молодых дур и оценит мою любовь!

– А вам он зачем, Ева?

– Ты не поймешь. Говорю же, вам всем, молоденьким дур... девушкам, парни все одинаковы, как китайцы, была бы только морда симпатичная да в штанах кое-что.

– Рискните все ж.

– Он... Да не знаю я, как сказать! Зайка он... Сладкий такой зайчик.

«Сладкий». Так мысленно называла его и Даша! А поди ж ты, Ева тоже... Вот как выходит: мы приручаем новое для себя слово, обкатываем и обсасываем его новизну, как леденец, не подозревая, что слово это давно приручено и задействовано другими! И потом как удар: оказывается, мы вторичны. Оказывается, все придумано и задействовано в оби-

ходе до нас!

Слово «сладкий» Даша не могла ей простить.

Но слово «зайчик»... И того менее! Это Влад – «зайчик»?!

– *Зайчик*?! – воскликнула она.

– Видишь, – торжествуя произнесла Ева, – ты не поняла!

Даша вспомнила, как сказал Влад: «*Я бы стал плюшевым котенком в лапах тигрицы*». Он ошибся: он бы стал *плюшевым зайчиком*!

В одно мгновение Даше стало настолько противно – видеть эту женщину, слушать ее, – что она вскочила.

– Ева, у меня больше нет времени с вами разговаривать. Уходите!

– Хорошо, хорошо... – Ева тоже поднялась. – Так договорились, три миллиона?

– Ева, – сквозь зубы процедила Даша, – я не торгую любимыми. Убирайтесь вон!

Ева вышла из комнатки не оглянувшись, и Даша поняла, что просто так она от нее не отделается.

* * *

Она еще долго не могла успокоиться. *Зайчик*, ну надо же!!! Фу, как пошло это звучало, как не шло Владу! И, главное, по какому праву она называет Влада *зайчиком*?! Пусть

своих мужчин так называет! А Влад – он *не ее!*..

И вдруг она запнулась. А чей? Разве он Дашин? Разве может она сказать о нем *это мой мужчина?*

Нет, в том-то и дело, что нет... Они встречались уже почти три месяца, но их отношения нельзя назвать любовными...

«А что ты хочешь? – некстати вылез второй голос. – Вы не любовники и даже о любви ни разу не говорили! Ты же сама всеми силами избегаешь подобных поворотов, усиленно делая вид, что вы просто друзья! Тогда чего ты хочешь? Чего ждешь? Сама нагородила сложностей, а теперь, вишь, печалишься!»

«Не сыпь мне соль на раны! – отмахнулась Даша от своего альтер эго. – И без тебя тошно!»

«Насчет ран, так ты смело можешь открывать мастерскую по их изготовлению на заказ! *«Кому нужны душевные раны? Бегом сюда, продаю оптом и со скидкой!»*

«Лучше бы сказала, что делать! – огрызнулась Даша. – А то критиковать каждый горазд!»

«Я не каждый. Я – это ты».

«А вот возьму сейчас и позвоню ему! И прямо сегодня...»

«Только про Еву не рассказывай. Если он узнает, как она предлагала его выкупить у тебя, то...»

«При чем тут Ева?»

«При том, что ему с ней работать и работать, не стоит осложнять их отношения!»

«Зануда-а! – взвыла Даша. – Я ж о другом! Я о том, что

позвоню Владу и...»

«И?»

«И проведу сегодня ночь с ним!»

«Ага, вчера чуть в обморок не упала от поцелуя, и он решил, что ты фригидная девственница... И как ты себе теперь это представляешь?»

Даша-первая не ответила: она не представляла.

«Скажешь: трахни меня сегодня, Влад? – продолжало издеваться альтер эго. – Или еще лучше: давай я тебя трахну сегодня, Влад. – Классно звучит, а?»

«Дура ты, дурища. Примитивная к тому же!»

«Я – это ты, не будем забывать!»

Не будем забывать, не будем... Верно, она такая дура, которая по своей безоглядной глупости только множит ловушки, в которые сама же исправно попадает!!!

Даша раздраженно хлопнула стопкой книг о рабочий стол.

«А вот позвоню!» – с вызовом заявила она себе-второй.

«Кишка тонка», – хмыкнуло альтер эго.

Тонка. Что правда, то правда. После вчерашнего было бы совсем странно выступить с подобной инициативой...

Даша дала воображаемого пинка своему альтер эго, чтобы оно заткнулось. И без него тошно!

Подумав, она нашла способ разрешить проблему: просто в следующий раз, когда он попытается ее поцеловать, она наберется мужества и ответит ему на поцелуй! И будь что будет!

А там, если даже... если даже он потом ее бросит... Так
будь что будет! Нельзя же вечно прятаться от самой себя!
Так постановила Даша.

* * *

Только Влад больше не пытался ее поцеловать.

Сентябрь

Прошел месяц, и вот уж сентябрь принялся дергать березы за косы. Владу предстоял очередной конкурс на звание «Сомелье года». Он волновался, это чувствовалось, и Даша неожиданно для себя самой предложила: «Хочешь, порепетируем вместе?»

Влад начал было отвечать, что, мол, это вопрос нюха и Даша ничем тут не поможет... Как вдруг запнулся.

После той попытки с месяц назад ее поцеловать, после ее испуга, непонятного ему до сих пор, он решил: всему свое время. Нельзя ее торопить. Природа так устроена, что ей нужно время на вызревание: должен вызреть росток, должен вызреть бутон, должна вызреть ягода... А потом должно вызреть вино. Торопить этот процесс нельзя, просто бессмысленно: мы не властны над природой! Нужно уметь ждать.

И он подождет, пока Даша вызреет!

* * *

И вот сейчас ему показалось, что она...

Он не был уверен, но ни за что в мире он не упустил бы этот шанс. Пусть ему завтра предстоит сложный день, пусть он собирался сегодня лечь пораньше, чтобы быть в форме...

– Приезжай ко мне. Порепетируем, – ответил он.

– А бардак в квартире, он больше не служит препятствием? – съехидничала Даша.

Он рассмеялся:

– Не служит!

Даша ощутила, как громко бухнуло сердце.

Она наказала сердцу не бухать и поехала к Владу.

* * *

...Скромная однокомнатная квартирка, скупо обставленная, – съемная.

Влад налил им понемножку вина: «Завтра сложный день, – сказал он, – так что ограничимся одним бокалом».

Она вдруг почувствовала себя совершеннейшей свиньей: у Влада завтра действительно СЛОЖНЫЙ день, и она совсем ему тут нехстати!

Почему эта мысль не посетила ее раньше? Она эгоистка, она не подумала о нем – она думала только о себе!

* * *

Естественно, подобная мысль все испортила.

Даша все же попыталась быть умной и конструктивной. Попыталась сказать что-то дельное.

– Когда ты в ресторане представляешь вина, то ты зара-

нее уверен, что они никому не нужны... И у тебя на лице иногда появляется такое высокомерно-брезгливое выражение, закрытое, отстраненное... Оно не на пользу тебе, твоему имиджу, – говорила она, чувствуя, что все это мимо, *мимо!*

Влад взял через стол ее ладонь и сжал ее.

– Но когда ты говоришь о винах слушателю, в которого ты веришь, – добавила она, – как мне, например, в нашу первую встречу, то ты становишься невероятно одухотворенным, и невозможно – просто невозможно! – не влюбиться в эти твои вина... Понимаешь? Ты не должен думать о тех, кто пришел на дегустацию или на конкурс ради престижности... Ты должен думать только о своем увлечении, увлеченности! И тогда вместе с тобой увлекутся ВСЕ!

– Ты... ты даже не представляешь, какую важную вещь мне сказала! Спасибо тебе, Даш!

* * *

На самом деле ничего важного она ему не сказала. На конкурс придут настоящие знатоки, и перед ними не нужно будет «делать лицо». Даша права в том, что с клиентами ресторана у него действительно мелькало раздраженное выражение... Но он это знал. Знал и пытался избавиться от него, пытался наклеить на лицо требуемую улыбку...

Удавалось слабо. В ресторан крайне редко приходили ис-

тинные ценители, – обычно это были десантные корпоративные вылазки, оплаченные фирмой-мамой.

Вот когда ему все же удастся скопить денег и открыть свой дегустационный бар, то тогда в него будут приходить настоящие ценители! Ценители вина и... И его таланта!

И Влада вдруг прорвало. Он рассказал Даше о своей мечте, о баре, об ордене рыцарей вина, в которые он посвятит этих самых ценителей...

Даша задавала вопросы, вникала в его планы – он отвечал с энтузиазмом.

И только некоторое время спустя он вдруг вспомнил: Даша впервые у него дома... И это не случайно! Тогда как он, забывшись, увлекшись, как последний идиот, грузил ее своими планами на будущее!

Ее рука до сих пор лежала в его ладони!

– Даш, – сказал он, – бог с ними, с этими всеми моими планами! Я хотел побыть с тобой в этот вечер...

– Ты и был со мной, – ответила Даша.

– Я тебя загрузил, прости.

– Ты что?! Наоборот, я горжусь тем, что ты мне доверил свои...

Она умолкла на полуслове, повинувшись давлению его ладони.

Сколько времени протекло? Минута, две?

– Даш, – произнес Влад, – не уходи сегодня. Остайся!

– У тебя завтра сложный день, – произнесла она.

Если она останется... То у него не хватит сил на завтрашний конкурс! Даша это знала. А он – нет.

– Черт с ним!

– Не «черт».

Она решительно поднялась, выдернув ладонь из его руки.

– Мне пора. У меня завтра тоже сложный день.

– Неправда!

Она не ответила, направляясь к двери.

Он поймал ее. Схватил крепко, прижал к себе. Даша чувствовала, как подрагивает его тело, как сильно надавливает на нее внизу...

Головокружение. Секундная слабость. От желания ее подташнивало.

Она с трудом разорвала кольцо его рук.

– Влад... – хриплым от страсти голосом проговорила она, – Влад... Завтра. Завтра, слышишь! ПОСЛЕ конкурса. Я хочу, чтобы ты его выиграл, слышишь?!

* * *

Она ушла.

Его руки остались пустыми, и им снова было больно.

Но она сказала: *завтра!*

Завтра он обязательно выиграт конкурс! И завтра он выиграет Дашу!

Несмотря на возбуждение, которое оставило их объятие,

он спал хорошо и счастливо.

* * *

Конкурс он выиграл.

Дашу он обнаружил по окончании, перетерпев всех поздравляющих, среди которых на первом месте крутилась Ева, тесня собой остальных. Не считая того мужика, который туманно предлагал ему новую работу, – но разговор был и впрямь туманным, и Влад его совсем не взял в голову.

– Поздравляю, – произнесла Даша. – Я очень, очень рада за тебя!

– Это благодаря тебе... – ответил Влад. – Конкурсы усложняются из года в год. – Раньше было легко, об этой профессии едва знали... А теперь на этом поприще уйма народу толпится, и победа достается все труднее... Честное слово, Даш, если бы не твои советы, то вряд ли бы я сумел...

Даша приложила палец к его губам.

– Не говори глупостей, ладно?

– С чего ты взяла? Ты действительно мне дала дельные сове...

– Я просто старалась рентабилизовать мое вчерашнее вторжение! – рассмеялась она.

– Тебе это удалось.

– Ты очень добр ко мне! – несколько ехидно произнесла она.

Она обещала *завтра*. И вот оно, это *завтра*, – оно уже наступило!

Влад надеялся, что Даша не передумала под напором каких-то страхов и сомнений... Он не знал, каких именно, но знал, что они есть!

– Давай отпразднуем? – осторожно предложил он, боясь спугнуть ее вчерашнюю решимость.

– Давай... – быстро согласилась она, боясь отпугнуть свою вчерашнюю решимость.

– Едем ко мне? У меня есть великолепное шампанское!

Он протянул руку к ее лицу... И заправил выбившуюся прядь ей за ухо.

«Если потом он и скажет: *я не могу тебе соответствовать!*... – то...» – возникло со своими сентенциями альтер эго.

«Заткнись», – кратко распорядилась Даша.

«Я чего, я только хочу сказать, что от судьбы не спрячешься!» – обиделось альтер эго.

«О, ты, оказывается, иногда говоришь умные вещи!» – одобрила интеллектуальные способности своего второго «я» Даша и громко произнесла:

– Едем!

* * *

Влад не хотел никакого шампанского. Он хотел Дашу.

Но он открыл бутылку и разлил в высокие бокалы-флейты (так они назывались по-французски) золотистый пенистый напиток.

Даша не хотела никакого шампанского. Она хотела Влада...

Но она взяла в руки бокал и, чуть покачав его, чтобы лучше уловить аромат, принялась всматриваться в пузырьки, как учил ее Влад. Пузырьки шли от самого дна, были мелкими – все как положено для качественного шампанского.

– За твою победу, – произнесла она, подняв свою «флейту», чтобы чокнуться.

Он вынул из ее руки бокал, поставил на стол, рядом пристроил свой.

Кажется, он дотронулся до ее плеча.

А может, не дотронулся, а они просто посмотрели друг на друга.

А может, даже не успели посмотреть?

Как бы то ни было, рубашка Влада первой оказалась на полу: Даша расстегнула ее быстрее, чем он Дашину блузку. И ремень на его брюках она расстегнула быстрее, чем он ее юбку. Остальные мелочи они сдирали друг с друга уже на постели, задыхаясь и постанывая от нетерпения...

Шампанское они пили потом.

Они чокались и смеялись, шампанское расплескивалось, золотистые капли падали им на кожу и на сбитые простыни. Даше теперь ее страхи, о которых она поведала Владу, казались чрезвычайно забавными.

– Глупышка, – произнес Влад, ловко слизав каплю, устремившуюся меж ее грудей на живот, – тебе просто не повезло с мужчинами, и ты превратила свой опыт во вселенскую драму! И из-за таких пустяков ты лишила меня четырех месяцев блаженства?!

– Себя тоже! Так что все по-честному!

– Видимо, ты мазохистка!

– Нет, ты еще не понял, я садо-мазохистка!

– О, звучит многообещающе... Придется тебе теперь возмещать нанесенный мне ущерб и наверстывать упущенное с повышенной скоростью!

Влад вылил на ее грудь остаток шампанского, наблюдая, как оно, легонько пенясь, потекло на живот... ниже... и прибризил губы к ее коже.

Две «флейты» упали на пол и издали нежный приглушенный стон, разбиваясь.

Часть 2

Родинка под левой грудью.

Странно, она не шла у него из головы, хотя думать ему следовало о смерти.

О скорой. Своей.

Но он думал о родинке под левой грудью, которую целовал бесчисленное количество раз. Он думал о Даше, о ее маленьком гибком теле, неутомимом, жаждущем его любви... Он вспоминал их первую ночь – ночь, в которой все было открытием: ее русые волосы, мерцающие темным золотом при свете ночника, и близорукие бездонные глаза, казавшиеся черными в сумраке, и нежные губы, прикушенные влажными зубками в сладостной муке, и прикосновение сосков-виноградин к его груди, и шелковисто-упругие ягодицы в его ладонях, и...

Она была прекрасна, как сама природа, – линии ее тела были совершенны. В это определение Влад ни в коем случае не вкладывал киношно-журнальные идеалы, нет, *совершенство* являлось понятием *индивидуальным*, ничего общего со стандартом! Оно в гармонии данных конкретных линий, данных конкретных форм, данного конкретного тела и данной конкретной души, в этом теле заключенной! Он ощущал биение жизни в каждой ее клеточке, и это отзывалось в нем биением сердца, ярким и праздничным биением его жизни...

Он рухнул в нее, как обрушиваются в пропасть, отдавшись на милость воздушных пространств; он нырнул в нее, как ныряют в глубину океана, отдавшись на милость вод. Он сливался с ней так, словно хотел преодолеть границы кожи, их разделяющей, и стать с ней единым целым, одним организмом, общим телом! Чтобы никто не смог их разлучить никогда!

Ему даже немного неловко стало за это одуряющее желание. И одновременно страшно оттого, что наутро придется разлучаться. Он хотел, чтобы теперь она всегда была рядом, чтобы можно было в любой момент до нее дотронуться и убедиться: она тут. С ним.

Он едва не предложил ей с утра пораньше выйти за него замуж! Но удержался: нельзя же так нападать на человека *с утра пораньше!*

– Даш, мы сегодня увидимся? – спросил он, стараясь, чтобы голос его прозвучал нейтрально.

– А ты... ты не устал?

– Отчего мне было устать? – не понял Влад.

– Ну... Я имею в виду, что, может, после такой бурной ночи... паузу нужно сделать...

– Тебе? Ты устала?

– Нет, ты что!

– И я нет... Так увидимся?

Даша почему-то бросилась ему на шею. Повисела немного, затем оторвалась, поправила кофточку, приняла важный

вид и произнесла:

– Увидимся, конечно.

Смешная какая.

Сладкая.

Любимая.

* * *

...Неужели нет никакого выхода??? Иного, чем смерть?!

Его мозг в который раз прокручивал ситуацию в поисках лазейки – и не находил ее. Но не может ведь быть, чтобы ему оставалась только смерть! Теперь, особенно теперь, когда все в его жизни складывалось столь солнечно, радостно, чудесно!

Но, прокрутив ситуацию в очередной раз, мозг подтвердил свой страшный приговор: *безнадежна*.

* * *

...Как он теперь жалел, что не послушался интуиции, которая ему сразу шепнула: человек, подошедший к нему после конкурса и предложивший работу, – человек темный, опасный! Но Влад так торопился найти Дашу, что не только не прислушивался к интуиции, но даже и к словам того типа!

...Он позвонил спустя две недели, когда Влад уже вполне

освоился на новой работе у Бориса Аркадьевича. Входящий номер был скрыт, и Влад заподозрил неладное.

Человек, голос которого Влад не узнал, с ходу напомнил о своем «благодеении».

– Я, как добрый волшебник, решил твои проблемы, а?

– Какие еще проблемы? – искренне не понял Влад.

– Ты ведь мечтаешь денег скопить на собственный бар, дегустационный, а?

– Я не просил вас, – хмуро отозвался Влад, все сильнее предчувствуя беду: «благодетель» откуда-то знал о баре, и подобная осведомленность не сулила ничего хорошего.

– Верно, не просил. Но добрые волшебники сами являют-ся с помощью, а?

– Понятия не имею, я в волшебниках не силен... Откуда вы знаете, что я мечтал о собственном баре? Кто вам сказал?!

«Благодетель» рассмеялся.

– Неважно, это мелочи. Теперь я пришел к тебе за помощью. Услуга за услугу, а?

– Волшебники бесплатно волшебства делают, – враждебно заметил Влад.

– Ты же в них не силен! На самом деле волшебникам тоже нужна помощь... взаимная. Долг платежом красен, а?

– Никакого долга у меня перед вами нет. Вы сами пришли, сами предложили. И сказали, что хотите сделать услугу своему другу! А я вас ни о чем не просил!

– Но моим предложением ты воспользовался. А бесплат-

ный сыр дают знаешь где?

Влад не ответил.

– Ладно, хватит маразмом заниматься! – сменил вдруг тон собеседник, заговорив сухо и жестко. – Ты мне *должен*. И выбора у тебя нет. Иначе...

«Благодетель» выдержал паузу. Влад молчал. Он уже не сомневался, что вляпался. Только во что?...

– Встретимся завтра в три дня в каком-нибудь кафе попроще... М-м-м, в «Блинной»³ на Тверской. Не опаздывай.

«Благодетель» не добавил слово «иначе», но оно уже звучало в мозгу Влада. Похоронным маршем.

* * *

...«Благодетель» комфортно развалился на некомфортном стуле неприятязательной забегаловки, погрызывая деревянную зубочистку и поглядывая на Влада благожелательно. «Блинная» была практически пуста, только в дальнем углу сидела компания из трех подростков с большими кружками пива.

– Ты должен сделать для меня одно дельце...

Влад любопытства к его словам не проявил, но это не смутило «Благодетеля».

– А именно, – спокойно продолжил он, – ты должен под-

³ Название вымышленное.

строить ему несчастный случай. Причем так, чтобы никто не заподозрил тебя в намерении убить. В крайнем случае – халатность.

Что-о?!

Влад смотрел на своего собеседника во все глаза. Он не ослышался? Ему предлагают *подстроить* несчастный случай... то есть *убить* кого-то?

– Вы о ком?!

– О твоём хозяине, естественно.

– Вы хотите, чтобы я... – Влад отказывался поверить в услышанное.

– Я не *хочу*. Я требую.

«Благодетель» вдруг сел прямо, свел свои крупные костистые руки на столе перед собой. Теперь он смотрел на Влад жестким и цепким взглядом, изучая выражение его лица.

– Этот человек стал серьезно мешать... серьезным людям. И его надо убрать. Но так, чтобы никто не заподозрил убийства. И это сделаешь ТЫ. Для этого я тебя ему рекомендовал.

– Но я... Послушайте, я такими делами не занимаюсь! Это исключено!

Влад даже головой помотал, чтобы понятнее было, до какой степени это *исключено*.

– Ты не дослушал. Тебе хорошо заплатят.

Влад молчал.

– Почему ты не спрашиваешь сколько?

– Мне все равно. Я не буду никого убивать.

– Ты не понял, парень. За это ты получишь свой бар! Готовеньким! В центре Москвы! Плюс оплаченные наперед услуги рекламного агентства по раскрутке твоего заведения! Ты ведь об этом всю жизнь мечтал, а?

– Я не буду никого убивать, – угрюмо повторил Влад.

Собеседник снова откинулся на спинку стула. Его рот сложился в снисходительную улыбку, и ничего хорошего эта улыбка не обещала.

– Ты так-таки не понял, парень. Никто не спрашивает твоего мнения. Тебе поручается это сделать, и все. За результат получишь награду в виде бара. А если не сделаешь... Знаешь, как умер твой предшественник?

– Несчастный случай... Так вы мне сказали!

– Ага, *очень несчастный* случай... Он утонул в бочке с вином. Во Франции, куда поехал на закупку для Бориса Аркадьевича.

– В бочке с вином?..

– Ну. А все потому, что он отказался помочь нам! Сечешь?

– То есть... Вы его?...

– Ага. *Мы – его.*

Владу стало страшно. И стыдно за то, что страшно. Его с детства учили: мужчина не должен быть трусом!

Правда, никто его не научил, как вести себя в ситуации, когда тебе недвусмысленно угрожают смертью!

«Не бояться только дураки», – вспомнил он где-то прочи-

танную фразу. Умом он понимал, что фраза справедлива. Но все равно ему было стыдно за свой страх.

Ясно: он сделал ошибку. Он позволил себе ступить в чужой мир – туда, где политика, деньги, власть. Где облако, похожее на пуму, ничего не значит. Где оттенки вина, как оттенки любви, не являются ценностью!

Только теперь поздно: ошибка уже сделана. Оставалось одно: попытаться играть по правилам чуждого ему мира... И Влад призвал на помощь все свои силы. Главное, не показать свой страх! Сделать уверенный вид, переть напролом!

– Вы мне угрожаете, что ли?! – повысил голос он.

– Ни боже мой! – улыбнулся незнакомец так, словно ждал этого вопроса. – Таковую ошибку, как с тем парнем, мы больше не повторим! Поэтому тебе никто не угрожает!..

Влад учуял подвох в его словах, но не смог его расшифровать, а спрашивать почел ниже своего достоинства.

– Ты не шибко пугливый, а? – произнес собеседник одобрительно. – Молоток. Но это ничего не меняет в нашем деле. Сделаешь все правильно – наградой тебе будет собственный бар. А не сделаешь, то...

– Вы не боитесь, что я ему все расскажу? – Влад изо всех сил старался, чтобы его голос звучал уверенно. – И что он справится с вами раньше, чем вы успеете пикнуть? Он приближенный к Президенту человек, у него огромное влияние и...

– Поди, поди, Володенька, расскажи ему, что приходил к

тебе человек, имени которого ты не знаешь, и слова странные говорил! Он тебя непременно поблагодарит за такую ценную информацию: в психушку отправит. Чтоб от галлюцинаций вылечить своего драгоценного сомелье!

«Благодетель» издал короткое ржание, отдаленно напоминающее смех.

– Сомневаюсь! – Влад рассматривал незнакомца в упор. – Своих «друзей» Борис Аркадьевич знает наперечет сам... И он легко догадается, кто именно решил убить его моими руками!

– Соображаешь, – кивнул собеседник, – совершенно верно. Вот почему ты должен подстроить *несчастный случай*. Убить-то его мы могли бы уже сто раз, да нам не с руки, слишком громкое дело выйдет, рискованно. Так что...

– Не буду я ничего подстраивать! – разъярился Влад. – И Борису Аркадьевичу расскажу о нашем разговоре! И от вас, кем бы вы ни были, завтра же мокрого места не останется!

«А вдруг у него пистолет в кармане? Или другие меня ждут на улице?» – думал он, пока говорил. Но его несло.

– Я не знаю вашего имени, верно, но ваше описание я смогу сделать! И фоторобот составить!

Человек в ответ покачал головой укоризненно.

– Малыш, ты не слыхал, что старших перебивать невежливо?

И Влад вдруг понял: если он, далекий от политических и денежных игр человек, смог понять, чем рискует его себе-

седник, то тот и подавно это понимает! Но идет на риск... А раз идет, то уверен, что... Что риска никакого и нет!

От этой мысли Владу сделалось совсем нехорошо. Он не хотел, он не желал слушать дальше, но выбора у него не было. ЗА НЕГО РЕШИЛИ какие-то неведомые люди. И их решение было страшным, не подлежащим апелляции.

Он почему-то вдруг вспомнил читанное о страшном 37-м годе. Как приходили по ночам люди в кожанках и уводили, увозили в черных воронках тех, кого обрекли на смерть и страдания *своей* волей... Без объяснения причин и без возможности апелляции. Навсегда. Без возврата и без выбора.

*Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ больше ротый мой!
Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!
А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом...
Да, видно, нельзя никак.*

Мандельштам тоже боялся. Влада всегда гипнотизировало это стихотворение ощущением предсмертного ужаса, исходившего из каждой строчки. От этого ужаса – и от сострадания к поэту – его всегда немножко подташнивало, и он никогда не перечитывал страшные строчки. Но они намертво засели в голове после первого же прочтения.

...Да, видно, нельзя никак.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! У нас ведь, к счастью, не 37-й год! Мы живем в двадцать первом веке!!!

– Так вот, дорогой Володя. – Он явно нарочно назвал его Володей, он ведь знал, что Владу не нравится это уменьшительное имя! – Разговор наш слишком затянулся. Ты хороший парень, честный и совестливый. Чудо и загляденье, гордость твоей мамочки, воспитавшей такого хорошего мальчика! А? Правда же, мамочка гордится тобой?

Влад не ответил, и «Благодетель» продолжил. Говорил он мягко и как бы раздумчиво:

– Убийство тебе претит, я понимаю. Противно тебе ручонки марасть, возвышенный ты наш! Мы это предвидели. Твой характер, чтоб ты знал, нами хорошо изучен... А ты как думал? Фирма веников не вяжет, Владик! – Он коротко рыкнул, что, видимо, должно было означать смех. – Ты стойкий пацан, с благородными принципами... Мое тебе с кисточкой! Ты после нашего разговора можешь и в милицию побежать; можешь и к работодателю с откровениями бухнуться. Так что не обессудь – я сразу к главному: у тебя ведь есть девушка, Даша, вроде бы?

Собеседник удовлетворенно кивнул, видя, как побелел Влад.

Куда как страшно нам с тобой...

– Заруби себе на носу, дорогой Володя, причем хорошенько: твоя жизнь нам без надобности. Если не умрет твой хозяин – умрет твоя девушка. Выбирай, что твоей *совести* приятнее! Времени у тебя уйма: сутки. Я позвоню тебе завтра в это же время.

Он с усмешкой встал, легонько поклонился и покинул кафе.

* * *

Назавтра после бессонной ночи Влад принял решение. Оно состояло из трех частей.

Первая: его согласие. Фальшивое, конечно, он никого убивать не намерен, – но требовалось потянуть время. Вдруг что-то придумается, найдется какой-то выход?!

Вторая часть: звонок Даше. Он должен ей сказать, что им нужно расстаться. Влад не представлял, как повернется язык сказать подобное... Но придется ему повернуться! Пока Даша – его девушка, она в опасности! Жизнь ее в опасности! Надо что-то сочинить... Что-то такое... Что он другой женщиной увлекся... А что еще можно выдумать? Что?!

Третьей частью было...

Хотя нет, это уж совсем крайний случай! Пока не стоит об этом думать. Пока стоит думать о том, как выкрутиться, как потянуть время и как вывести Дашу из-под угрозы.

Он почти с нетерпением ждал звонка со *скрытого номера*.

– Я согласен, – сообщил он, едва слышав голос «Благодетеля». – Но мне нужно время. Вопрос нуждается в изучении: когда, каким образом, – деловито перечислил он, стараясь, чтобы голос его звучал убедительно.

– *Каким образом*, мы тебе скажем сами.

– Нет, – так же деловито отозвался Влад, – вы не можете знать его привычек, распорядка, склонностей...

– С чего ты взял, что мы *не можем знать*?

– Ну... – растерялся Влад. – Чтобы знать, нужно быть вхожими в дом! Что не ваш случай, раз вы просите меня...

– Во-первых, Володенька, тебя никто не *просит*. Тебе *велят* – чувствуешь разницу? Во-вторых, Володенька, мы в курсе привычек твоего хозяина, а также обстановки в доме. Вот передо мной на экране компьютера отличные фотоснимки его винного подвала... Хозяин любит водить туда гостей на экскурсию, а? Он этот погреб отстроил в лучших традициях французских погребов, а? Включая каменные своды и винтовую лестничку, а? Причем лестничка крутая. А знаешь, почему? Винный погреб хозяин твой устроил позже, когда дому уже с десятков лет стукнуло, и под погреб он отвел часть имевшегося под домом подвала. А он не особо глубокий был. Но хозяин твой хотел во что бы то ни стало лестничку сде-

лать винтовой! Вот и получилась она слишком крутая. По такой ящики с вином не особо поносишь, верно? Так что годик спустя пришлось ему построить подъемник...

Влад похолодел. Говоривший с ним человек не блефовал: Борис Аркадьевич действительно выстроил в подвале своего дома винный погреб в лучших французских традициях, включая самые современные: в нем автоматически поддерживался режим температуры и влажности, наиболее благоприятный для хранения вина. И подъемник в нем имелся...

Все надежды на то, что он сумеет потянуть время, рассыпались в прах!

– *Крутая, сечешь?* – продолжал его собеседник. – А свет включается в погребе наверху лестнички, а?

И в этом он был прав!

Откуда он может знать? Он же явно *враг*, он не мог оказаться в числе приглашенных к хозяину! Или так хорошо мимикрировал? Ведь это же он рекомендовал Влада Борису Аркадьевичу!

Хотя порекомендовать нового сомелье он мог не прямо, а через общих знакомых...

Нет, не мог он бывать в доме сам, это исключено! Иначе бы он не общался с Владом так открыто, подослал бы кого-то другого! Слов про фоторобот он не испугался – значит, Борис Аркадьевич не знает его в лицо!

Оставалось только одно предположение: те якобы друзья хозяина, пропущенные через сито его охраны, – не такие уж

друзья... Они сделали для «Благодетеля» фотографии. Хозяин водит гостей на экскурсию в свой погреб, некоторые восхищаются и фотографируют, и кто-то среди них поснимал для врагов Бориса Аркадьевича...

Или сама охрана Бурлова подкуплена? Раз в дом проникли лазутчики?

Мысль Влада интенсивно работала, хотя и постоянно поскользывалась на незнакомой ему территории.

Нет, вряд ли. Иначе зачем им тогда понадобился Влад? Они бы уже давно с охраной сговорились!

А вражеские лазутчики, так их даже в профессиональных разведках не всегда вычисляют! Что уж говорить об охране, пусть даже очень бдительной (а у хозяина была *очень бдительная!*), отдельно взятого олигарха?

– ...Свет включается наверху, а? – продолжал меж тем его собеседник. – Дежурная лампочка, освещающая спуск, а? А затем, уже внизу, нужно включить дополнительный свет, точнее, подсветку, в которой очень красиво смотрятся стеллажи с винными бутылками, а?

И тут он не ошибся! Именно так распределялось освещение в погребе Бориса Аркадьевича!

– Стеллажи представляют собой стальные стояки, а? Между которыми закреплены деревянные полки с горизонтальными выемками-ложбинками для бутылок, а? Вино ведь хранится в лежачем положении, а? По пять выемок на полку, по пять бутылок, а?

И это соответствовало истине!

– А теперь представь, Володенька, что дежурный свет не сработал, по очень простой причине: лампочка перегорела. Причем подменишь ее ты, а нужную, перегоревшую лампочку мы тебе доставим, сечешь? И вот, представь, твой хозяин ведет очередное стадо гостей в подвал: хвастаться своим винным погребом. А света нет. Что он сделает, а?

Собеседник выдержал паузу, но и Влад молчал.

– А вот что он сделает, – миролюбиво продолжил «Благодетель», – он пойдет вниз еще на несколько ступенек на ощупь, чтобы включить рубильник подсветки... А? Ты согласен? Не повернет же он гостей обратно, а?

«Благодетель» был прав. Именно так бы поступил хозяин.

– И охрану не позовет, – не захочет показаться трусом... Он же у нас герой, борец против темных сил, белый рыцарь на белом коне, а?

И это было верно! Борис Аркадьевич не стал бы по такому мелкому поводу, как перегоревшая лампочка, звать охрану, да еще перед лицом своих гостей...

– Но в кромешной темноте, на лестнице, так легко упасть, ты согласен, а? И раскрыть себе лоб об стойку напротив! Они ведь стальные, а? А за ним обычно следуешь ты – такова у вас традиция, – а гости уж за вами. И что тебе помешает в темноте помочь хозяину оступиться, а? Вроде как в темноте налетел, сам того не желая, а?

...Влад не знал, как реагировать. В этом абсолютно чужом

ему мире игры игрались по абсолютно чуждым ему законам. В плане «Благодетеля» ему виделся изъян, но работать на его цели Влад не собирался!

С другой стороны, этот изъян в плане мог служить проверкой на его лояльность, на его готовность исполнить заказ... Если Влад внесет свои поправки, значит, действительно готов; а не внесет, то, значит...

С третьей стороны, Влад собирался изо всех сил тянуть время, время, в которое он сможет принять необходимые меры: расстаться с Дашей, продумать ходы спасения... Эхм... если таковые имелись, конечно...

В результате он сам с собой проголосовал за то, чтобы сомнения озвучить.

– Вы хотите, чтобы я столкнул хозяина с лестницы?

– А я непонятно выразился?

– Коли так, то в вашем плане есть серьезный прокол: ничто не гарантирует, что хозяин уьется *насмерть*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.